

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЖУРНАЛ

Воскресенье

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Издается приходом храма Пресвятой Троицы г. Коломны (Щурово)

С ПРАЗДНИКОМ ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЫ

Стр. 4 ТАЙНА ТРИЕДИНСТВА

Стр. 8 МАСТЕР И МАРГАРИТА
(Православный взгляд)

Стр. 16 СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

СТР. 24 ГАЛЕРЕЯ. СПОР О ВЕРЕ

СТР. 34 КНИЖНЫЙ ШКАФ. "САВВА МАМОНТОВ"

СТР. 36 АНГЕЛА ЗА ТРАПЕЗОЙ

СТР. 36 ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

СТР. 38 ДЕТСКАЯ СТРАНИЦА

СТР. 50 МЕСЯЦЕСЛОВ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА:

- Стр. 3** СЛОВО РЕДАКТОРА. *Михаил Позвонков.*
- Стр. 4** ТАЙНА ТРИЕДИНСТВА. *Михаил Позвонков.*
- Стр. 8** "МАСТЕР И МАРГАРИТА". Православный взгляд. *Михаил Позвонков.*
- Стр. 16** СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ. "Голутвинский променад". "Поколение новых священников". *Валерий Ярхо.*
- Стр. 24** ГАЛЕРЕЯ. Никита Пустосвят. "Спор о вере". *Михаил Позвонков.*
- Стр. 32** НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ. О картине "Никита Пустосвят". *Михаил Позвонков.*
- Стр. 34** ВОПРОС-ОТВЕТ. *Михаил Позвонков.*
- Стр. 36** АНГЕЛА ЗА ТРАПЕЗОЙ. Пожарские котлеты. *Михаил Позвонков.*
- Стр. 40** КНИЖНЫЙ ШКАФ. "САВВА МАМОНТОВ". Владислав Бахревский. *Михаил Позвонков.*
- Стр. 42** ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА. ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ. Стихи.
- Стр. 44** ДЕТСКАЯ СТРАНИЦА. "СОЛНЕЧНОЕ ПЯТНО". Юрий Коваль.
- Стр. 46** МЕСЯЦЕСЛОВ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. Ежемесячное издание

Учредитель - МРОПП Троицкого храма
г. Коломна (Щурово) Московской обл. Московской епархии
Русской Православной Церкви.

Редактор: Михаил Позвонков.

Дизайн, вёрстка: Родион Степанов.

Корректурa: Галина Старостина

Адрес редакции: 140413,
г. Коломна, ул. Октябрьская, д. 3.
Тел./факс: (496) 613-9993.
www.hram1891.ru,
e-mail: Hram1891@hram1891.ru

Иллюстрации материалов:
фото авторов или из открытых источников CC-BY

Слово редактора

*Добрый день,
дорогие братья
и сестры!*

Вместе с вами мы прошли через очень непростые месяцы – месяцы испытания нашего терпения, молитвы, способности сочувствовать, помогать ближним.

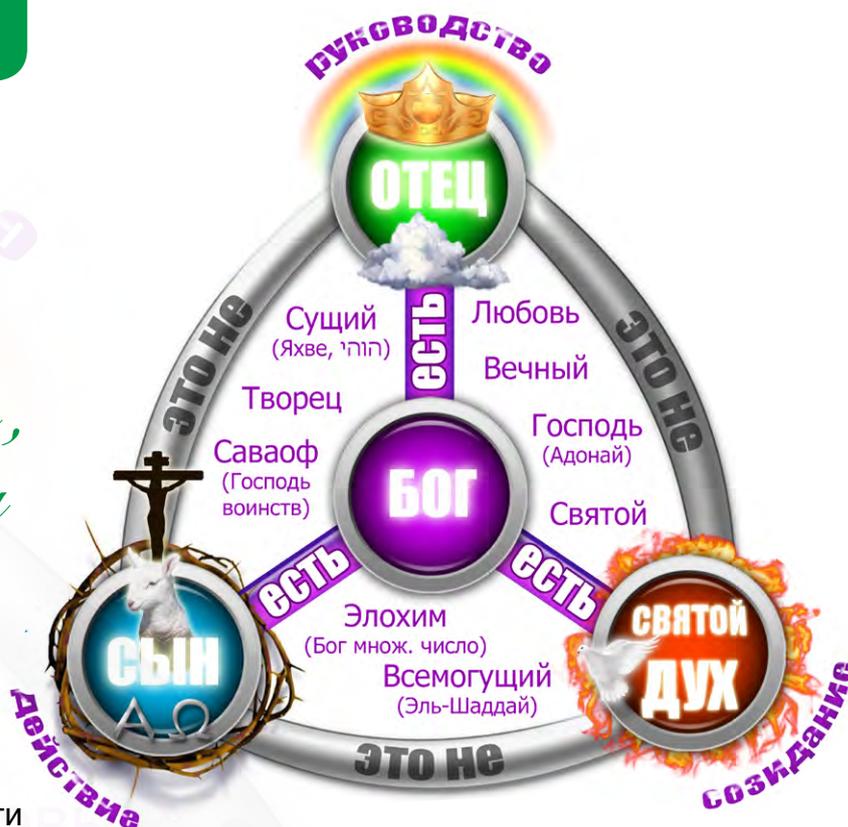
И очень символично, что начало отмены особых ограничений практически совпало с престольным праздником нашего храма – Днем Пятидесятницы. Поэтому в очередном номере мы поместили статью о Божественном Троиединстве, ведь вопрос о трех ипостасях Бога является одним из самых сложных для восприятия в православной догматике.

Разместив в предыдущем номере статью о доказательстве Бога по Канту, которое цитируется в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», мы получили неожиданно много писем с вопросами: читателей интересует, какое отношение должен занимать православный человек по отношению к самому знаменитому произведению Булгакова? Вопрос сложный. Он весьма неоднозначно трактуется даже литературоведами. На страницах нашего журнала мы постарались разобраться в этом вопросе, объективно разобрав историю написания романа, личность самого автора и образы героев произведения. Поскольку тема получилась объёмная, то в этом номере будет опубликовано начало статьи.

В рубрике «Книжный шкаф» познакомимся с одним из лучших писателей-историков двадцатого века – Вячеславом Бахревским. Он продолжает творить и сейчас, на девятом десятке лет. Но лучшие его произведения читали еще люди предыдущих поколений: «Тишайший», «Аввакум», «Разбойник Кудеяр» и десятки иных книг для детей и взрослых отличает глубокая проработка материала и великолепное владение русским языком. Рассмотрим одно из его биографических произведений – книгу «Савва Мамонтов», посвященную жизни одного из самых незаурядных промышленников и меценатов девятнадцатого века – о мамонтовских проектах строительства железных дорог «Воскресенье» уже писало в этом году, книга же делает акцент на культурное наследие, которое оставил знаменитый меценат.

Завершат номер наши традиционные рубрики и страница для детей.

Главный редактор журнала «Воскресенье»
Михаил Позвонков.

ТАЙНА ТРИЕДИНСТВА

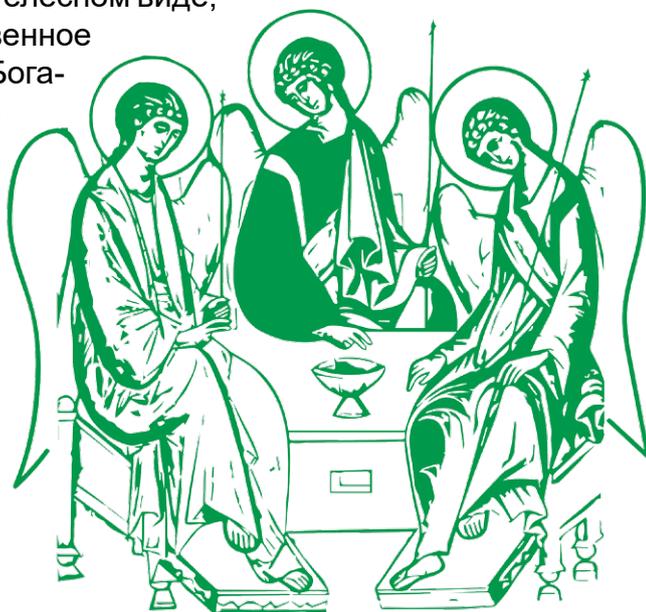
В исследовании православного вероучения, одним из камней преткновения часто становится догмат о триединстве Бога. С первых веков христианства объяснения Триипостасного божества давали самые известные богословы и отцы Церкви. Но для современного новоначального христианина попытки вникнуть в святоотеческие толкования могут окончиться безрезультатно – язык древней Церкви достаточно сложен. Тем более, что адепты различного рода сект и иных верований иногда утверждают, что догмат о Троице происходит именно от их вероучения. Как простым языком объяснить суть христианского учения о Троице и подтвердить его уникальность?

Большинство известных древних и современных религий являются религиями многобожия. Это так называемый пантеизм (παν (пан) — «всё, всякий» и θεός (теос) — «Бог, божество»), в крайних формах которого язычники утверждают, что вообще всё в мире является сущностью Бога, то есть предполагают присутствие Бога во всех предметах, вещах, растениях, животных и т.д. Такую архаичную теорию Шопенгауэр метко назвал формой атеизма. Ведь Бог в таком случае сводится к статусу первоосновы Вселенной, не обладая личностным началом. Иной вид – более свойственный древним и примитивным верованиям - когда в пантеоне наличествуют несколько богов, отличающихся по статусу, функционалу, силе, отношению к людям. Таковы религии древних греков, позаимствовавших их идеи римляне, религии шумеров, жителей древнего Египта, Индии и многих других.

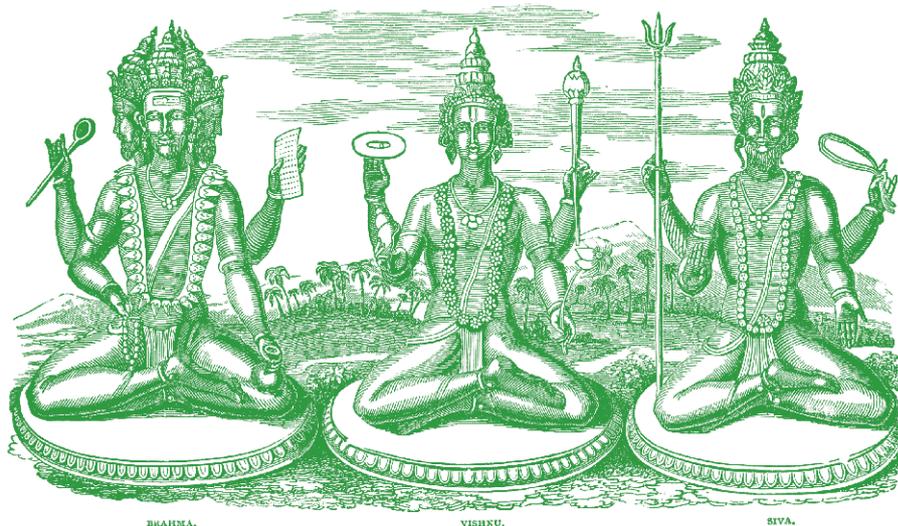
Чтобы правильно уяснить суть православного догмата о Троице, нужно в первую очередь понять, что понятие триединства подразумевает единство сущности, воли, единство энергии, но абсолютно не подразумевает наличия трёх отдельных божеств. Возьмём пример из элементарной физики: долгое время ученые считали, что атом –элементарная частица, которая уже не может быть разделена на составляющие. Об этом говорило и само её название ἄτομος - неделимый. И лишь сравнительно недавно, на рубеже XIX и XX веков было научно открыто и доказано, что внутри атома существуют отдельные составляющие, были открыты субатомные частицы: протоны, нейтроны и электроны. Можно провести некоторую аналогию: Бог един, но внутри него заключены три ипостаси, которые мы именуем Отец, Сын, Святой Дух. Это триединство открыто нам, разумеется, лишь в той мере, которую мы, люди, способны понять. Со словом «ипостась» тоже нередко возникает путаница. В Святой Троице общее приписывается существу, а ипостась обозначает особенность каждого Лица. Иначе говоря, сущность означает природу Божества, а ипостаси относятся к отличному в Боге. Собственно, огромное отличие христианства от всех языческих религий состоит в том, что христиане ввели понятие Личности, не являющейся частью природы и не мыслимой в природных категориях.

Если мы рассмотрим Священное Писание и Священное Предание от самого начала нашего мира, то есть от начала творения Богом земли и всего сущего, то сперва мы не увидим практически ничего, что могло бы нам намекнуть о трех ипостасях Бога. Да, библеисты в отдельных местах Ветхого Завета усматривают подтверждение триединству, но все же во всей доступной полноте оно стало открыто лишь тогда, когда потребовалось произойти исключительному событию – боговоплощению. Рождение Человекобога – Иисуса Христа – обладающего всей полнотой человеческой сущности, но в то же время и обладающего всей полнотой сущности божественной, явило миру вторую божественную ипостась – Сына. Затем открыта была и третья ипостась – Дух Святой. В текстах Нового Завета мы находим ситуации, когда одновременно открываются людям две или три ипостаси Бога. Так, при Крещении Христа Спасителя Отец являет Себя Своему созданию – человеку голосом: «Сей есть Сын Мой возлюбленный», а Дух Святой нисходит на Христа «в телесном виде, как голубь». На горе Фавор, когда происходит таинственное Преображение Христа, из облака раздался голос Бога-Отца: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Моё благоволение; Его слушайте (Мф 17:5). И уже в Деяниях апостольских мы читаем о схождение на апостолов Духа Святого, принесшего им новые, благодатные духовные свойства.

Итак, христиане исповедуют не трёх богов, а Единого Бога в трех ипостасях, имея объективные аргументы, свидетельствующие о его божественном происхождении. А если происхождение христианства божественно, то и учение его – истинно. Говоря о Боге-Троице, христиане говорят о единстве в существе и троичности в лицах.

Оппоненты-язычники достаточно часто ставят под сомнение уникальность христианства, утверждая, что и в языческих верованиях триады встречаются весьма часто. Иногда триады богов были представлены по семейному принципу, в полной аналогии с человеческими семьями. Например, древнегреческая мифология свидетельствовала о Зевсе, его супруге Гере и их дочери Афине-Палладе. Египтяне верили в Осириса,

Изиду и их сына Гора с головою сокола. Но в данном случае речь идет лишь о трех отдельных божествах с собственной индивидуальной природой, отличных друг от друга, с неизменным наличием женского божества и божества – плода двух других. Соответственно, никакого сходства с христианской Троицей в таких триадах не наблюдается.

В индуистских верованиях, казалось бы, находим более похожую картину: во многих ветвях индуизма исповедуют Тримурти – богов Вишну, Шиву и Брахму. Иконографически Тримурти изображают как голову с тремя лицами. Но при рассмотрении оказывается, что опять же, речь идет лишь о механическом объединении в группу трех главных богов, отличных друг от друга по природе. Более того – само понятие Тримурти возникло в середине первого тысячелетия по Рождеству Христа и явилось копированием догмата христианского учения – индусы переняли идею Троицы у бежавших из Византии еретиков.

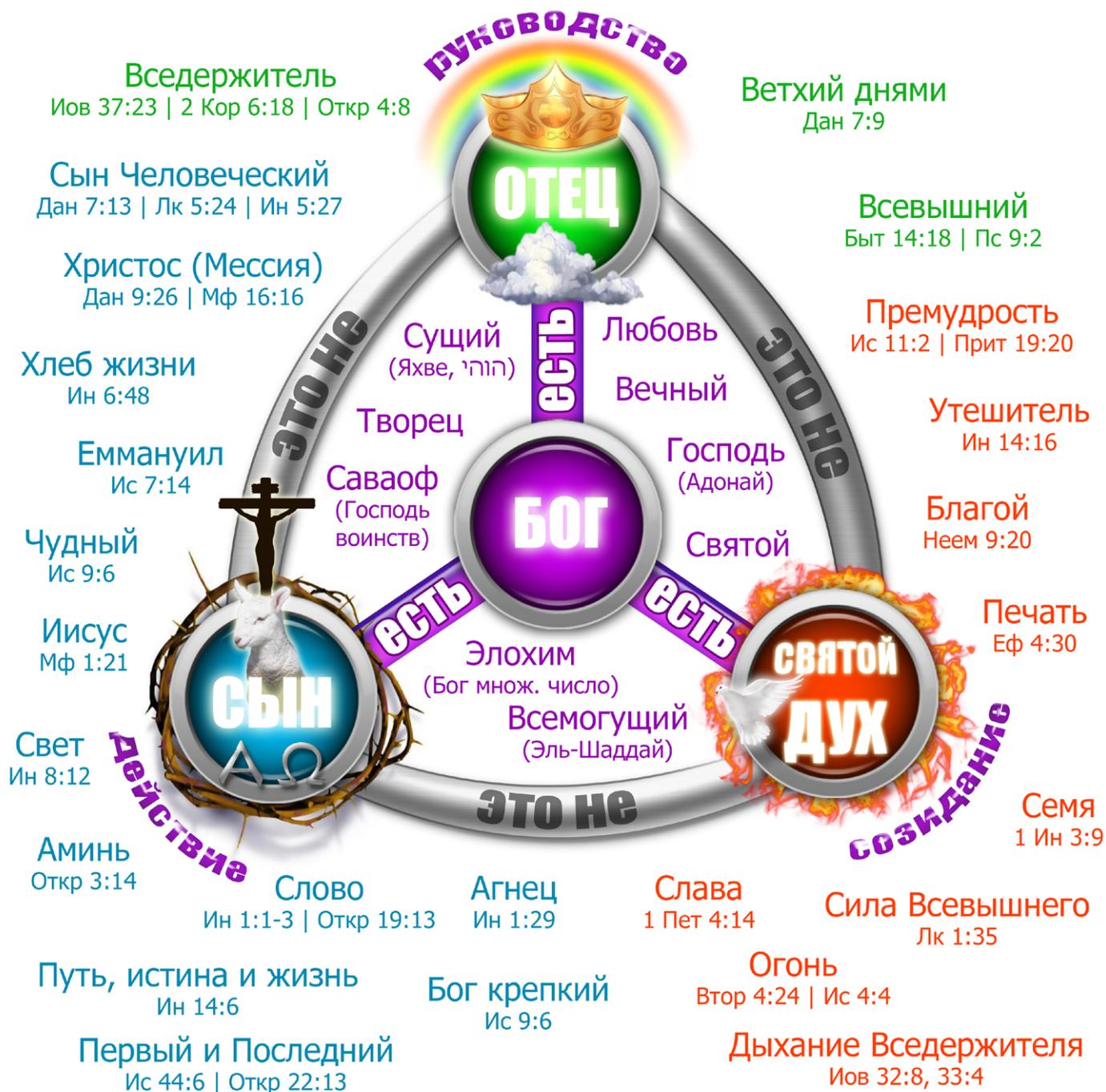
Что же до разного рода неоязыческих сект, то идею Троицы язычники, мягко говоря, заимствуют и видоизменяют самыми затейливыми способами, обычно используя придуманного относительно недавно бога Триглава, которого же по забывчивости порой именуют Тримурти. Но, поскольку ни одного действительно древнего источника языческой письменности славян археологи не обнаружили, то и какое-либо серьезное обсуждение теории неоязыческого триединства в принципе невозможно.

Сама история христианства также претерпела немало попыток внести разного рода языческие исправления в учение о Святой Троице – например, ереси антитринитариев динамистов и модалистов. Суть их сводилась к тому, что единый Бог просто проявляет себя в образе трех различных сил или образов. Все подобные ереси были подвергнуты осуждению на Вселенских соборах.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод: христианское учение о Троице не имело аналогов или прообразов ни в языческих верованиях любых народов, ни в древнеиудейской религии. И вряд ли такое учение могли придумать апостолы – люди. Как сказано в Евангелии, «некнижные и простые», ведь для принятия троичного догмата человек должен признать свою неспособность объяснить его рационально, опираясь на собственные силы и разум. По словам богослова Владимира Лосского, тайна Пресвятой Троицы, открытая Церкви, «есть не только основа, но и высшая цель богословия, ибо, по мысли Евагрия Понтийского, которую разовьет впоследствии святой Максим Исповедник, познать тайну Пресвятой Троицы в ее полноте — это значит войти в совершенное соединение с Богом, достичь обожения своего существа, то есть войти и в Божественную жизнь: в саму жизнь Пресвятой Троицы». В Православной Церкви Святая Троица – основа духовной жизни, благочестия, духовного опыта. Вся полнота Бога открывается в мире как любовь, и достижение любви каждым из нас – единственный способ познания образа Святой Троицы.

ПРИРОДА БОГА

ПОНИМАНИЕ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ

Отец, Сын и Святой Дух есть три вечные, не сотворенные Личности Божества, принявшие разные роли. Они едины по сущности, характеру и волеизъявлению и составляют из себя одного Бога.

- Втор 6:4
- Мф 28:19
- Евр 1:1-2
- Ин 14:9
- 1 Кор 15:28
- Гал 4:6
- 1 Ин 5:20
- 1 Тим 2:5
- Ис 9:6
- Кол 2:9
- Мк 12:29
- Ин 1:1-4, 34
- Пс 32:6
- Ин 14:26
- Ин 14:28
- Флп 2:6
- 1 Кор 11:3
- Ин 8:29
- Ин 20:28
- Пс 2:7
- Кол 2:9
- Кол 1:16-17
- 2 Кор 13:14
- 1 Пет 1:2
- Гал 4:4
- Рим 9:5
- Ин 5:18
- Мк 3:11
- 1 Тим 3:16
- Пс 110:1

«МАСТЕР И МАРГАРИТА» ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЗГЛЯД

**«Если есть тьма –
должен быть свет!»**

Виктор Цой

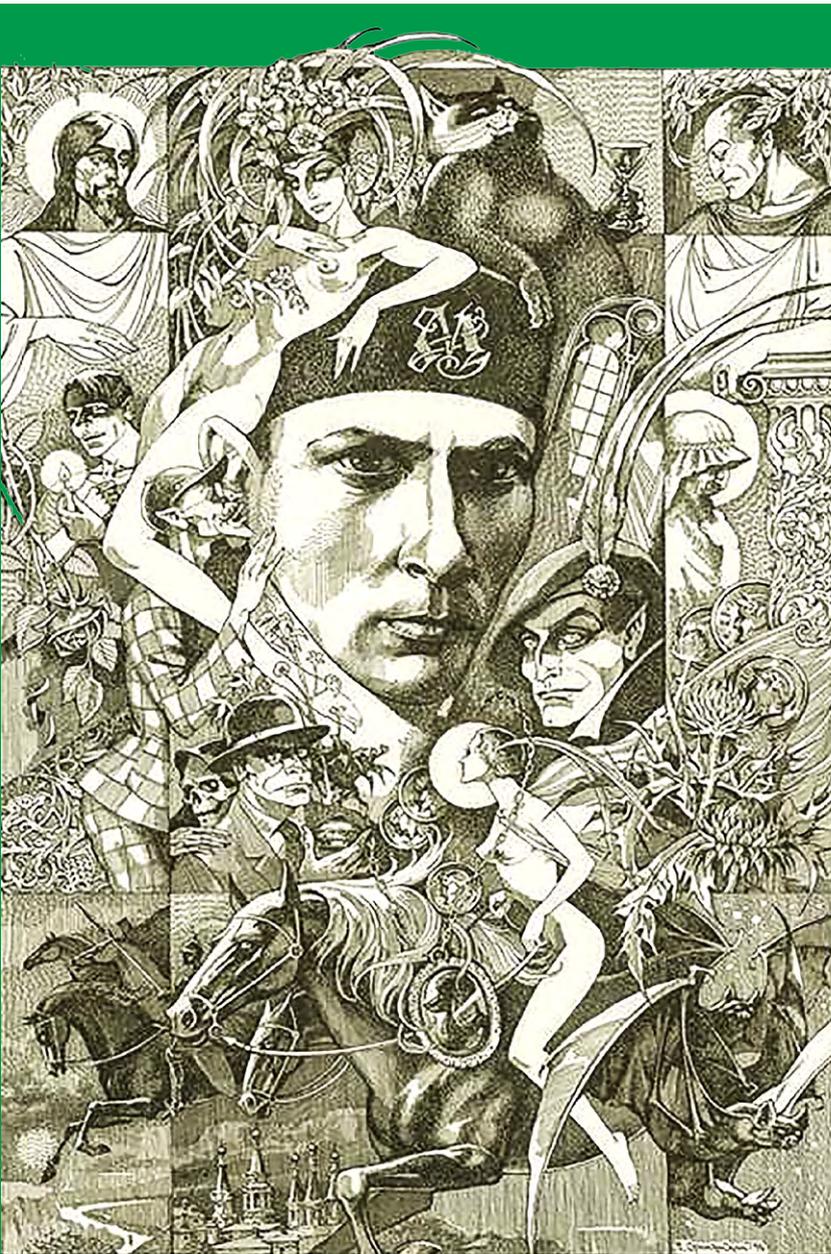
После публикации в прошлом номере журнала статьи о кантовском доказательстве Бога, упомянутом в повести «Мастер и Маргарита», в редакцию пришло несколько писем от читателей. Читатели интересовались – возможно ли вообще рассматривать повесть Михаила Булгакова как уместную для упоминания в журнале, издаваемом приходом православного храма? Ведь в «Мастере и Маргарите» упоминается нечистая сила, извращаются описанные в Евангелии события и так далее. Действительно, в отношении к самому популярному произведению Булгакова верующие продолжают ломать копыта не одно десятилетие. Попробуем и мы на страницах нашего издания проанализировать: какой же именно смысл хотел вложить в «Мастера и Маргариту» сам Михаил Афанасьевич?

Булгаков и вера

Вообще, анализируя то или иное произведение с точки зрения его отношения к религии, первым делом следует уточнить отношение к ней самого автора. Оба деда Михаила Афанасьевича Булгакова были священниками. Отец – Афанасий Иванович Булгаков – являлся профессором Киевской Духовной Академии и работал в области сравнительного богословия, попутно занимался переводом сочинений блаженного Августина и блаженного Иеронима. С первой своей женой Михаил Булгаков состоял в венчаном браке, а чин венчания совершал протоиерей Александр Глаголев, позже прославленный в лике святых новомучеников. По видимому, писатель в молодости колебался в своем отношении к вере и Церкви, но уже в послереволюционные годы – годы нарастающих гонений на Православие – его вера лишь окрепла. По свидетельству третьей жены писателя – Елены Сергеевны – в доме Булгаковых даже в тридцатые годы устраивали Рождественскую ёлку, сам Михаил Афанасьевич молился в дни болезни, а когда в 1937 году Булгакову поступил заказ на создание антирелигиозной пьесы – он ответил отказом. И вряд ли далекий от молитвы и веры человек мог бы столь проникновенно описывать сцены обращения к Богу, которые мы видим на страницах «Белой Гвардии» - в покаянии Русакова, в молитве Елены над раненым Алексеем Турбиным. По свидетельству вдовы Булгакова, за три дня до смерти, будучи в сознании, писатель крестил себя и её, а по кончине состоялось заочное отпевание в храме св. Илии Обыденного на Остоженке.

Михаил Афанасьевич Булгаков (1891 - 1940)

Портрет Михаила Булгакова в окружении героев романа "Мастер и Маргарита"

Булгаков и безверие

Именно в религиозности Михаила Афанасьевича следует искать причины, побудившие его к написанию романа. Среди воспоминаний супруги и друзей писателя сохранилось немало свидетельств о том, насколько негативно Булгаков относился к развязанной по стране атеистической пропаганде. 5 января 1925 года писатель записал в своем дневнике: *«Сегодня специально ходил в редакцию «Безбожника»... Тираж, оказывается, 70 000, и весь расходуется. В редакции сидит невероятная сволочь, выходит, приходит; маленькая сцена, какие-то занавесы, декорации... На столе, на сцене, лежит какая-то священная книга, возможно, Библия, над ней склонились какие-то две головы. ... Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера «Безбожника», был потрясен. Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне... Соль в идее: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены».*

Булгаков – его дореволюционные записи (в них он действительно отзывается о вере прохладно), скорее всего не понимают: во-первых, юношеский максимализм практически всегда сменяется зрелыми рассуждениями, во-вторых, как настоящий интеллигент, Булгаков естественным образом находился в оппозиции ко власти. Ему не могло не претить не только поругание святых для миллионов людей понятий и догматов, но и принудительное навязывание атеизма – безальтернативное, грубое, примитивное. У человека свободного нельзя отнимать право верить – свобода выбора является основой здорового общества. Но хозяева новой власти пошли более простым путем- путем запретов, террора, оскорбления и высмеивания всего святого. Вот лишь пример стихов, подобные которым не стеснялась печатать газета «Правда» - главный печатный орган страны:

*Твердь, твердь за вихры зыбим,
Святость хлещем свистящей нагайкой
И хилое тело Христа на дыбе
Вздвбливаем в Чрезвычайке.*

*Что же, что же, прощай нам, грешным,
Спасай, как на Голгофе разбойника, —
Кровь Твою, кровь бешено
Выплескиваем, как воду из рукомойника.*

Анатолий Мариенгоф.

Автор - Анатолий Мариенгоф, представитель так называемых имажинистов. Что характерно, сын Мариенгофа покончил жизнь самоубийством, не дожив и до двадцати, а самого Анатолия подвергли гонениям его же товарищи по ремеслу. Близкий друг Мариенгофа – Сергей Есенин – прославился тем, что в пьяной удали рубил иконы для растопки самовара и расписывал похабными стихами стены Страстного монастыря.

Интеллигенту Булгакову претила хамская и грубая официальная пропаганда безбожия. И, хотя в друзьях у писателя были люди откровенно антиклерикальных взглядов, Михаил Афанасьевич никогда не сочувствовал увлечениям антирелигиозной деятельностью. Кстати, и выбор имени одного из приспешников Воланда – Коровьев – неслучаен. Как уже упоминалось выше, Булгаков однажды посетил редакцию журнала «Безбожник». Случилось это в январе 1925 года. Именно в том месяце очередной номер журнала вышел с заголовком «Безбожник. Коровий» - редакция поясняла, что журнал-де крестьянский, а «знахари и попы скот губят». Коровьев из романа Булгакова как-то неудачно пошутил, за что и был наказан. Очевидно, что шутка касалась вопросов веры – иначе откуда взяться многовековому наказанию. И явно не Воланд был инициатором наказания – ему, напротив, высмеивание всего святого для верующих людей доставляло удовольствие. Стало быть, наказание пришло со светлой стороны, ибо нельзя топтать чужую веру, тем более - не предлагая ничего взамен. Булгаков не мог открыто высмеивать новую власть, тем паче – её идеологию. Вспомним, что даже гораздо более мягкая сатира другого Михаила – Зощенко – привела к открытой травле писателя, а ведь он всего лишь смеялся над мелкими пороками общества – необразованностью, жадностью, сутяжничеством. Булгаков ясно понимал – роман с открытой критикой советской идеологии станет его приговором, поэтому в «Мастере и Маргарите» он использует способ, который в математике именуется «доказательством от противного»: описывая события романа через персонажей, разделяющих в общем-то идеи новой власти, Булгаков доводит их действия и суждения до абсурда. Не автор уже смеется над идеологией Совдепии, а сами персонажи становятся карикатурой на реальность.

У Патриарших

Неслучайно роман начинается с беседы на Патриарших. Беседу ведут два профессиональных оплачиваемых богоборца – поэт Иван Бездомный и редактор Берлиоз. Цель беседы – придумать, как наиболее убедительно разуверить в Христе своих читателей. Атеисты, не обладая серьезными научными знаниями, старались убедить читателя, что человека по имени Иисус не существовало вовсе: *«теперь редактор читал поэту нечто вроде лекции об Иисусе, с тем, чтобы подчеркнуть основную ошибку поэта. Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича – изобразительная ли сила его таланта или полное незнакомство с вопросом, по которому он писал, – но Иисус у него получился, ну, совершенно живой, некогда существовавший Иисус, только, правда, снабженный всеми отрицательными чертами Иисуса. Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что-Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем – простые выдумки, самый обыкновенный миф»*. И появление главного антагониста Христа тут совершенно логично. Как писал Гоголь, «Тому чёрта искать не надо, у кого чёрт за плечами!». Симпатии богоборцев и Воланда взаимны, ведь цель у них одна – дать людям модель мироздания, где Богу нет места. Но, по меткому выражению Тертуллиана, «Душа человека по природе своей христианка». И в ранних версиях романа Булгаков иллюстрирует, что даже атеисту отречься от Бога непросто: Иван Бездомный прутиком рисует на земле портрет Христа, и Воланд предлагает Иванушке растоптать его: *« - Необходимо быть последовательным, - отозвался на это консультант. – Будьте добры, - он говорил вкрадчиво. – наступите ногой на этот портрет. – Он указал острым пальцем на изображение Христа на песке.»*

Встреча на Патриарших

Воланд неслучайно предлагает это, уже рассказав свою версию встречи Пилата и Иешуа, упомянув, как ранее искушал Христа, уговаривая его прыгнуть с крыла храма. Ведь тогда речь будет идти не об осквернении карикатуры на никогда не существовавшего персонажа, а об акте сознательного отречения от реального Христа. В итоге, после того, как Воланд обзывает поэта Бездомного «трусом свинячьим» и «интеллигентом», Иванушка уничтожает портрет – на пути к той вечности без света, куда Мастера ведет Воланд, должен быть осквернён всякий образ Мессии, даже созданный атеистом как карикатура.

Беседа Берлиоза и Бездомного – отражение двух атеистических взглядов на Христа, которые сложились ко времени создания романа. В первом случае отрицалась сама реальность существования Христа, его историчность. Во втором случае более образованные богоборцы, не отрицая факта исторического существования человека по имени Иисус, отрицали его божественное происхождение. Примером такого подхода может служить Лев Толстой: отрицая Божественность Христа, он призывал корректировать Евангелие с красным и синим карандашами в руках, вычеркивая из него «ненужные» места и оставляя нужные.

Итогом стала псевдоевангельская теория Льва Толстого, где от учения Христа оставался лишь набор морально-нравственных правил. Можно вспомнить, что идеи графа Толстого пришлись настолько по душе строителям коммунизма, что его собрания сочинений стали печатать, простив благородное происхождение и объявив классиком.

Булгаков высмеивает и невысокий интеллектуальный уровень большинства атеистов своего времени – Иван Бездомный, недолго думая, предлагает отправить на Соловки самого Канта за его доказательство бытия Бога, даже и не зная, что философ почил уже более ста лет назад, благополучно избежав расправы: *« – Но, – продолжал иноземец, не смущаясь изумлением Берлиоза и обращаясь к поэту, – отправить его в Соловки невозможно по той причине, что он уже с лишком сто лет пребывает в местах значительно более отдаленных, чем Соловки, и извлечь его оттуда никоим образом нельзя, уверяю вас!»*

Пилатовские главы

Пожалуй, самое большое количество нареканий от верующих читателей роман получает за «пилатовские главы». Православные критики обвиняют автора в искажении образа Христа: в отличие от истинной евангельской истории Богочеловека, где главным объектом проповеди был Он сам («Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня»), Иешуа пилатовских глав – обычный пацифист, рассказывающий о всепрощении, непротивлении безо всяких чудес и пророчеств. Но следует задать вопрос: а каково отношение Булгакова к Иешуа, появляющемуся на страницах «Мастера И Маргариты»? Если сходство толстовского атеизма с образом Иешуа очень заметно, то каково было отношение к нему у самого Булгакова? Читая роман становится очевидно, что для самого Михаила Афанасьевича созданный образ Иешуа га-Ноцри – отнюдь не есть отражение его веры и идеологии. Напротив – это и есть то самое доказательство «от противного».

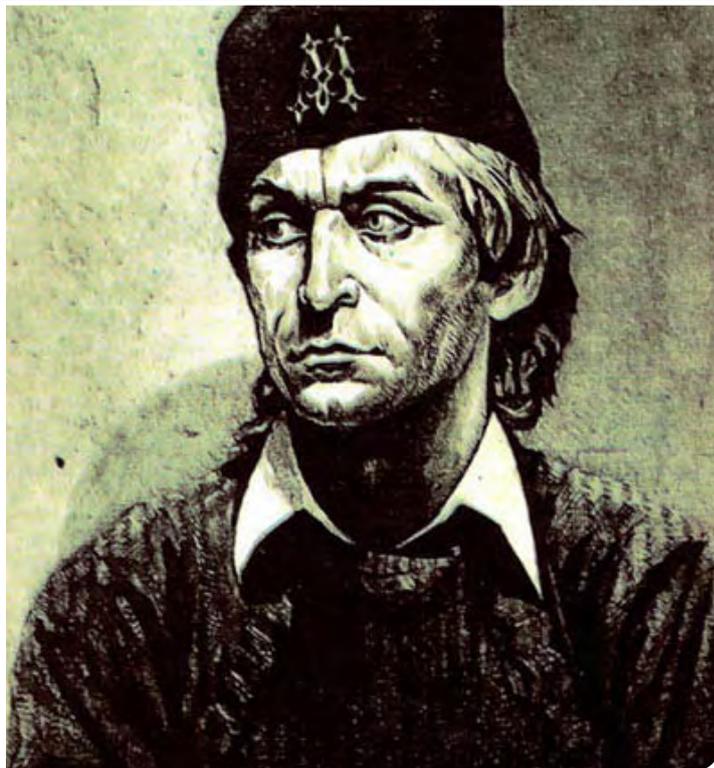

Иешуа не ставит себя целью проповеди, не говорит об Отце Небесном и жизни будущего века. Единственный его постулат – «все люди добрые». Да и то – скорее не добрые, а «добренькие». По словам Достоевского, Христос затем и приходил, чтобы человечество узнало, что и его земная природа, дух человеческий может явиться в таком небесном блеске, на самом деле, во плоти, а не то что в одной мечте и в идеале, — что это и естественно, и возможно. Булгаковский же Иешуа с подлинным Мессией не имеет практически ничего общего: тезис о том, что «все люди добрые», опрокидывается чередой взяточников, воров, доносчиков, вереницей проходящих в романе. Это они-то добрые? Очевидно, что созданному им образу Иешуа сам Булгаков не симпатизирует, равно как не солидарен с его учением. Да и разве описал бы автор любимого им героя такими фразами «Иешуа заискивающе улыбнулся», «Иешуа испугался и сказал умильно», «Иешуа шмыгнул высыхающим носом и вдруг такое проговорил по-гречески, заикаясь»? Нет, сами по себе «пилатовы главы» атеистичны и с позиций православного христианина кощунственны – вместо Богочеловека, Спасителя, в них изображен трусоватый пацифист, больше похожий на хиппи, нежели на Мессию.

Истинный автор пилатовских глав

Сам Булгаков, как человек верующий, очевидно, не отождествлял созданный образ с истинным Христом. Да и в иных произведениях Михаила Афанасьевича ничего похожего на «пилатовские главы» мы не наблюдаем. Значит, в романе приведен чей-то иной взгляд на Христа, мировоззрение не самого писателя, а кого-то иного? Тут важно вспомнить саму структуру повествования «Мастера и Маргариты». Главы об Иешуа встроены в основную сюжетную линию, это «книга в книге». А раз так, до должен быть и литературный, внутрикнижный автор «пилатовских глав». Кто это? На первый взгляд, вопрос очевиден: это Мастер. Книга об Иешуа га-Ноцри выходит из-под его пера, но её идейный вдохновитель и цензор – Воланд, заказывающий у Мастера литературную карикатуру на Христа. Недаром одним из первых вариантов названия романа было «Черный богослов». Воланд идейно единоклубен с советскими атеистами в целом и «безбожниковцами» в частности. Образ Иешуа – это карикатура на толстовство, на идею псевдохристиан, считающих, что Спаситель принес в мир лишь нравственные ценности. Неудивительно, кстати, что «Кодекс строителя коммунизма» тоже местами явно повторяет ветхозаветные заповеди в своем нравственном содержании. Стало быть, критика образа Иешуа, вполне справедливо доносящаяся со стороны ревнителей веры, должна быть адресована не самому Булгакову, а его литературному герою – Воланду – ставшему в романе автором псевдоевангелия. Это именно «псевдоевангелие» - в нем оправдывается Пилат, оправдывается бунтующий против Бога Левий, даже Иуда выведен не совсем однозначным предателем. И ни слова о сатане – его роль умалчивается, и через это умолчание достигается нужный Воланду эффект.

Итак, «в пилатовских главах» читатель времён СССР с удивлением узнавал тезисы советской атеистической пропаганды, берущей начало у толстовцев. Но если автором пропаганды являлся сатана, то и атеизм, даже называемый научным, также является сатанинским. И разгадавший истоки атеизма читатель невольно должен задать вопрос: если дьявол существует, то должен существовать и его противник, непременно должна быть реалией сила, не позволяющая тьме захватить всё сущее. Ведь если зло настолько неизмеримо и властно, то оно неизбежно должно было господствовать в мире этом, не имея противовеса в мире Ином. Конечно, не всем было дано прочесть смысл, заложенный автором. Интеллигент Булгаков писал отнюдь не для бульварного чтения, но напротив – для читателей своего уровня. Любители примитивных детективов и желтой прессы видели в романе лишь его оболочку – веселые столичные похождения сатаны с приспешниками. К сожалению, в киноверсии Владимира Бортко, которая стала для многих современников первым знакомством с романом, опущены многие важные подробности, отсылающие к богословской составляющей – например, обсуждение «седьмого доказательства Канта».

О роли Мастера

Маргарита и Мастер

- Позвольте! – воскликнет читатель. - Как же это так: ведь главы о Понтии Пилате создал не Воланд, а Мастер!

Не всё так просто: в ранних версиях романа Мастера не было вообще. Булгаков вводит его в повествование существенно позже, и Мастер перенимает работу Воланда. О том, что «автор идеи» - Воланд, свидетельствует и такой момент книги: *« – Так вы бы сами и написали евангелие, – посоветовал неприязненно Иванушка. Незвестный рассмеялся весело и ответил: – Блестящая мысль! Она мне не приходила в голову. Евангелие от меня, хи-хи... – Кстати, некоторые главы из вашего евангелия я бы напечатал в моем «Богоборце», – сказал Владимир Миронович, – правда, при условии некоторых исправлений.»* Логика очевидна: Воланд создает своё квазиевангелие, пародию на Благоую весть – такое, которое и советским безбожникам использовать удобно, и от которого не отказались бы и толстовцы. Но зачем тогда нужен Мастер? Зачем усложнять сюжет, вводя туда новых персонажей, выстраивая наряду с исторической еще и любовную линию? Не стоит забывать о том, что Булгаков хорошо знал православную догматику. Согласно ей, человек поставлен Творцом выше ангелов. Ангелы не обладают творческим началом, их задача – передавать информацию, возвещать божественную волю. Сатана – он же Денница – по сути своей ангел, хоть и отрекшийся от Бога. Он не наделён творческим началом. Сатана может запоминать события, управлять людьми, но не творить. «Будучи творениями, ангелы не суть творцы» - писал преподобный Иоанн Дамаскин. Именно поэтому Булгакову и потребовался Мастер – исполнитель, обладающий творческим талантом. Несомненно, Булгаков делал параллели с Фаустом Гёте. Мастер – новый Фауст, советский. Воланд дает ему материалы, видения, использует его в качестве медиума. И этот творческий союз оказывается плачевным для Мастера – его талант выжигается изнутри. Рукопись, повествующая об Иешуа и Пилате - последнее его произведение. И не случайно нигде в романе не упоминается имя Мастера – оно и не нужно, если понять, что писатель используется просто как орудие темной силы, лишенное самостоятельности. Он даже не продает душу сатане – в его действиях нет момента сознательного отречения от Бога. Мастер просто плывет по течению и оправдывает себя: *«-Ну и ладно, ладно, - отозвался мастер и, засмеявшись, добавил: - Конечно, когда люди совершенно ограблены, как мы с тобой, они ищут спасения у потусторонней силы! Ну, что ж, согласен искать там».*

Продолжение следует. Михаил Позвонков.

Понтий Пилат и Иешуа

ГОЛУТВИНСКИЙ ПРОМЕНАД

Вокзал "Голутвин"

Официально открытие линии железнодорожного пути между Москвой и Коломной состоялось 4-го сентября 1864-го года. В тот день рано утром от дебаркадера Рязанского вокзала отошел поезд со многими начальствующими и причастными к строительству дороги лицами, а также почетными гостями, приглашенными на это торжество. Всего в путь отправились более ста человек, в том числе и репортер газеты «Московские ведомости», который так описывал этот вояж:

«Поезд проследовал от Москвы до коломенской станции, и пошел далее, до моста через Оку. Этому огромному, до полуверсты длины, сооружению, суждено покоиться на двух дамбах, устроенных по обоим берегам реки. Мост ещё не совсем готов – движение по нему начнется не ранее будущего января – пока же поезда будут переправляться по другому, временному мосту. Их будут перетягивать лошадьми и паровиками на тот берег, где уже прицепят к локомотиву.

Прибывших московских гостей уездный город встретил торжественным водосвятным молебном, с кроплением святой водой состава и новенького здания железнодорожного вокзала, открывшегося в тот день. В помещениях вокзала был сервирован роскошный парадный обед, за которым было поднято несколько приличествующих случаю тостов. По окончании торжеств, уже поздно вечером, поезд с гостями отправился обратно в Москву. На другой день дорога была открыта для публики».

Прежде того, до построения железной дороги, поездка в Москву из Коломны в почтовом дилижансе или ямщицкой тройке занимала 2-3 дня, и обходилась пассажиру от 15-ти до 20-ти рублей. Поезд по железной дороге покрывал это же расстояние часов за 6-8, и билет на него стоил в несколько раз дешевле. Всё это кардинально изменило быт горожан, расширив их возможности и интересы.

С появлением поезда появилась возможность ездить в Москву просто так, «чтобы развеяться». Из Коломны уезжали ранним утренним поездом, к обеду прибывали в Первопрестольную, гуляли, обедали в хорошем ресторане, совершали покупки в магазинах, а вечером шли в театр. После театра ехали на Рязанский вокзал¹, там немного кутили в вокзальном ресторане, и поездом, отходившим ровно в полночь, отправлялись домой, прибывая в Коломну рано утром. Впрочем, чтобы как-то разнообразить пресноватую уездную жизнь, даже ездить куда-то стало не нужно. У коломенцев появилась забава, вроде той, что показана в популярном фильме «Безымянная звезда», в котором жители маленького городка каждый день собирались на вокзале к моменту прохода поезда, везшего богатую публику из столицы на модный морской курорт.

Посещение вокзала было для горожан своего рода приключением. Ведь до самых 20-х годов 20 века город заканчивался около Петропавловского кладбища². Между Коломной и селом Боброво, к которому примыкал привокзальный район Голутвин, простиралось чистое поле, местами засаженное огородами. Между огородов пролегало Рязанское шоссе, по которому надо было довольно долго ехать до вокзала на извозчике. Выходило что-то вроде увеселительной прогулки.

На станции Голутвин паровозы набирали воду, а потому остановка получалась долгой. Пассажиры выходили из вагонов, гуляли по перрону, заходили в ресторан вокзала, чтобы выпить «по маленькой», перекусить, а то и отобедать. Время позволяло.

По железной дороге ездило много «чистой публики», людей с деньгами, готовых платить за услугу, но требовавших не только хорошего качества еды и напитков, но и достойного обслуживания, ловкого и скорого обслуживания. Содержатели буфетов и ресторанов, арендовавшие помещения в вокзалах, старались все устроить как можно лучше, чтобы угодить требовательным посетителям.

Обычно ближе к вечеру, когда на станцию «Голутвин» прибывали «интересные поезда»³, туда из Коломны подъезжали компании, развлекавшиеся на свой лад. Вокзальная платформа служила публике родом бульвара, по которому можно было фланировать туда-обратно, обсуждая прочитанное в свежих газетах, которые на вокзале появлялись раньше, чем в городе⁴. Гуляющие рассматривали поезда, пассажиров, заводили случайные знакомства, вступали в непринужденные разговоры.

Погуляв по платформе, поглазев на проезжающих и проводив поезда, остававшиеся на платформе коломенцы, заходили в буфет 1-го класса «с подачей горячих блюд», располагавшийся в левой части вокзала, если заходить в здание со стороны платформы. Кутеж в этом буфете составившихся на променаде компаний также являлся неотъемлемой частью программы развлечений. Так же «догуливали» после посещения театра в селе Боброво, фактически ставшим заводским поселком. Вокзальный буфет для коломенцев был подобием московского «загородного ресторана».

В самом конце 19-го столетия на деньги основателя завода Аманда Струве и директора завода Антона Лессинга в Боброво выстроили театр⁵. При этом культурном центре открылась читальня с богатым выбором книг, газет и журналов. Из заводских рабочих и служащих сложилось два хора, любительская драматическая труппа и великолепный духовой оркестр, который летом играл на танцевальной площадке подле театра. Поблизости от бобровского театра было футбольное поле, которое зимой заливали под каток для игры в русский хоккей и массовых катаний на коньках.

¹ Теперь - Казанский вокзал.

² Нынешний Мемориальный парк.

³ Составилась целая иерархия поездов, интерес к которым определялся дальностью следования, классностью вагонов и направлением следования.

Сейчас для нас многое из того, что привлекало в них людей, уже и не понять, но так было.

⁴ Прессу выгружали из почтовых вагонов поездов, прибывавших на станцию Голутвин.

⁵ Сегодня там детский сад в «Саду дворца».

В рабочем театре кипела творческая жизнь: ставились спектакли, собирались хоровое общество, устраивались танцевальные вечера. Для жителей ближайшей округи театр стал местом встреч. Молодые спортсмены, самодеятельные артисты и просто досужая публика, парочками и целыми компаниями прогуливались вокруг футбольной площадки, раскланиваясь со знакомыми, делая круг за кругом несчетное количество раз.

При театре функционировал буфет с подачей чая, кваса и прохладительных напитков и пива – крепкого спиртного там не держали. По этой причине, после посещения театра, гулянья или спортивных состязаний, публика отправлялась в Голутвин, где в буфете к их услугам было всевозможное гастрономическое изобилие и широкий выбор напитков.

Нам дана возможность познакомиться с вокзальным заведением поближе, заглянув в мемуары Фёдора Августовича Степуна – философа и общественного деятеля, долгие годы прожившего в эмиграции. В самом начале 20-го века, ещё до поступления в университет, Фёдор Степун попал в Коломну, отбывая воинскую повинность вольноопределяющимся в мортирном полку, квартировавшим тогда в городе. Полувеком позже, живя в Нью-Йорке, Фёдор Августович вспоминал, как вместе со своим сослуживцем, таким же вольноопределяющимся, как он сам, помощником присяжного поверенного Михаилом Дмитриевичем Благим, они посещали театр и буфет на вокзале.

Вот как это было: *«Как только выпал снег, наш гид по части развлечений, Михаил Дмитриевич Благой, организовал веселую, на двух тройках, поездку в Голутвинский театр. После театра мы вместе с актерами шумно ужинали в вокзальном буфете. Не убоившиеся такого открытого кутежа девицы - две бойкие купеческие дочки, француженка, гувернантка их младшего брата и служившая в какой-то управе не очень молодая, но весьма развязная вдова (Михаил Дмитриевич называл «Афродитами земными») были без ума от вечера. Еще бы: за ними, кроме нас, ухаживал сам Мурский, только что с подъемом «отрыдавший» Незнамова⁶».*

Отбыв срок службы, установленный для вольноопределяющихся, Фёдор Степун поступил в знаменитый Гейдельбергский университет. С теплотой и нежностью вспоминая Коломну, он признавался, что в студенческой жизни его не раз посещали «видения станционного буфета». В своей книге Степун писал так: *«Поставив принесенные книги на новую полку, я снова лечу в город обедать. На Главной улице чуть ли не в каждом третьем доме рестораны. Можно завернуть и к «Рыцарю» и к «Золотому петуху» и к «Шуту Перкео» и к «Золотому ангелу»... Выбираю «Золотого ангела», не по пристрастию к пище небесной, а по экономическим соображениям. «Золотой ангел» предлагает обед из трех блюд всего только за шестьдесят пфеннигов. Избалованный домашним столом и Голутвинским буфетом, я ем безо всякого удовольствия. От безвкусного супа пахнет химией, твердоватое мясо плавает в какой-то мучной гуще, сухой бисквит с одной малининой в центре и чашка жидкого кофе совершенно безрадостны».*

Дошли до нас и сведения о том, кто содержал голутвинский буфет, привечая компанию Степуна, Благого, Мурского и их коломенских друзей, потчuya их блюдами, вкус которых помнился и десятилетиями позже, в Нью-Йорке, на другой стороне земного шара.

В списке владельцев торгово-промышленных предприятий коломенского раскладочного присутствия⁷ на 1903 год под № 220 значится московский купец Петр Алексеевич Иванов, содержатель буфета при станции «Голутвин» Московского-Казанской железной дороги с оборотом 6 тысяч рублей. Ему же принадлежали и другой буфет 3 класса с оборотом в тысячу рублей при той же станции, располагавшийся на платформе.

После смерти Петра Ивановича Иванова торговые заведения в Голутвине унаследовала его дочь Юлия Петровна Иванова, которая поручала ведение дела на месте приказчику. В декабре 1913 года промысловое свидетельство на занятие должности приказчика при буфете на станции «Голутвин», принадлежащего московской купчихе 3-й гильдии Юлии Петровне Ивановой, было выдано Крестьянину Зарайского уезда Троснинской волости села Кисмина Петру Гавриловичу Пучкову.⁸

Ресторацией высокого класса заведение в вокзале «Голутвин» оставалось «по инерции» и при советской власти, оставаясь едва ли не последним уцелевшим «осколком старого мира». Собственного названия у ресторана не было, но в народе он был известен как «Омут», получив это прозвище из-за огромной фрески на стене, выполненной по мотивам картины Васнецова «Дурочка Аленушка»⁹. В голутвинский «Омут» ходили не только коломенцы. Туда ездили гулять из Луховиц, из Озер, Воскресенска и даже Бронниц, где своих приличных ресторанов не было. В день полочки там делали остановку работавшие на коломенских предприятиях жители окрестных городков и сел, стоявших вдоль железной дороги. Получив деньги, они заходили в «Омут» и сидели в ресторане до закрытия, а разъезжались по домам на последних поездах и электричках.

Ресторан долго ещё «держал марку» и закрылся относительно недавно. Каков был «Омут» можно увидеть в кино – несколько сцен знаменитого фильма «Город Зеро» снимался в его интерьерах.

Валерий Ярхо.

⁶ Мурский был актер-любитель, звезда любительской труппы заводского театра. Судя по замечанию мемуариста, в тот день, когда их компания кутила в вокзальном буфете, труппа Бобровского театра играла пьесу Островского «Без вины виноватые».

⁷ ЦИАМ ЦХД до 1917 года фонд 1731 оп. Д. 129.

⁸ ЦИАМ ЦХД до 1917 года фонд 1731 оп.1 Д. 49.

⁹ Васнецов изобразил сиротку-юродивую, виденную им на берегу пруда у деревни Ахтырки под Хотьково, близ Сергиево-Посада. Это уже много позже картина стала ассоциироваться со сказкой про сестрицу Алёнушку и братца Иванушку.

ПОКОЛЕНИЕ НОВЫХ СВЯЩЕННИКОВ

(Из материалов неизданной книги В. Ярхо «Поповский крест»)

Коренное изменение взаимоотношений между советской властью и русской православной церковью произошло во время войны. В 1943 году состоялись «переговоры на высшем уровне» - 4 сентября в Кремле лидер правящей партии ВКП(б) и фактический неограниченный властитель страны, И. В. Сталин принял местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия и двух ещё остававшихся на воле митрополитов - ленинградского Алексия, киевского и галицкого Николая (Ярушевича). На приеме присутствовали член Политбюро ЦК КПСС Г. М. Маленков и полковник Карпов, который на тот момент занимал должность начальника 5 отдела 2 управления НКГБ. Ему предстояло контролировать деятельность церкви извне, контактируя с высшими иерархами.

В скором времени после встречи был создан Совет по делам русской православной церкви при Совете Народных Комиссаров¹. Во главе Совета был поставлен Григорий Георгиевич Карпов, который к 1945 году вырос чином до генерал-майора НКВД.

При «Совете по делам русской православной церкви» действовал аппарат уполномоченных, каждый из которых курировал территорию одной из областей. Москва и Московская область долгие годы были территориями, на которых делами церкви ведал Алексей Алексеевич Трушин – товарищ 1912 года рождения, старший офицер госбезопасности, член партии с 1942 года².

На снимке (слева направо): Иосиф Сталин, Митрополит Николай (Ярушевич), Митрополит Алексий (Симанский), митрополит Сергий (Страгородский). Фото: www.globallookpress.com, "Журнал Московской Патриархии"

¹ Совет народных комиссаров (Совнарком) - так называлось тогда правительство

² Документы Центрального исторического архива Московской области ЦИАМО ф.7383, оп.3 д.6

Среди прочего, в документах, составленных товарищем Трушиным, прослеживается явная обеспокоенность партийных идеологов тем, что, несмотря на десятилетия антирелигиозной пропаганды, советская молодежь не отторгает церковь, что многие молодые люди веруют. Что от желающих поступить в единственную тогда возрожденную Семинарию, отбою нет, и конкурс на каждое место огромен.

В своем докладе руководству о положении дел по его ведомству в Московской области³ А. А. Трушин с тревогой сигнализировал руководству: *«Необходимо отметить, что, когда московской патриархией назначаются молодые, вновь рукоположенные священники из числа окончивших Московскую духовную семинарию, заметно возрастает активность приходов. Наши местные органы порою этого не замечают и дают возможность служителям культа широко использовать свое влияние на окружающее население».*

Этот тревожный для партийных идеологов тезис товарищ уполномоченный проиллюстрировал конкретным примером: *«В октябре 1950 священник Сорокин был назначен настоятелем церкви Алтуфьево-Лианозово Краснополянского района М.О. В прошлом Владимир Нилович Сорокин сын служащего. В 1940 году окончил среднюю школу в Коломне. С 1941 по 1945 годы служил в Красной армии, а в 1946 году поступил в московскую духовную семинарию. Окончил курс в 1950 году и был рукоположен в сан священника.*

До поступления Сорокина на приход в Алтуфьево-Лианозово прежде было заметно падение интереса граждан к религии и церкви даже среди части верующих. Служба в местной церкви велась только по воскресным и праздничным дням, и посещаемость этих служб неуклонно падала. С приходом Сорокина на должность настоятеля ситуация в корне поменялась. В течение четырех первых месяцев священник Сорокин провел большую работу, направленную на укрепление влияния церкви. Служить в церкви стали каждый день, чаще стали произноситься проповеди, в которых Сорокин призывал прихожан чаще бывать в церкви. Он создал хороший хор, пригласив для этой цели нескольких певчих из числа учащихся в семинарии. Обещал снизить стоимость свечей и отменить плату за требы. В короткий срок он побывал во всех домах прихода, служа молебны и отправляя другие требы. Пришел даже на квартиру секретаря партийной организации колхоза «Красная нива» тов. Вавилина и, несмотря на протесты последнего, отслужил молебен, настойчиво предлагая тов. Вавилину приложиться ко кресту»⁴.

Портрет о. Владимира Сорокина

В результате активности о. Владимира Сорокина посещаемость церкви в Алтуфьево-Лианозово значительно увеличилась, среди верующих появилось много молодёжи. Эту тревожную тенденцию решено было пресечь, и по представлению «Совета по делам РПЦ при Совмине» патриархия вынуждена была вывести о. Владимира Сорокина за штат. И это решение вызвало настоящий бунт! Лианозовский приход восстал, требуя возвращения любимого батюшки.

Как пишет товарищ Трушин в своем докладе: *«Бросив работу в колхозе, прихожане собрались возле церкви и составили петицию в патриархию, по форме являвшуюся жалобой, которую подписали более семисот человек. С этой бумагой делегация из 20 человек отправилась в Москву, и, явившись в патриархию, подала её на рассмотрение. Не добившись толку в патриархии, делегация с ходатайством о возвращении священника Сорокина на приход*

³ ЦГАМО ф.7383 оп.1 д.27 (1952 год)

⁴ Там же

посетила канцелярию уполномоченного «Совета по делам РПЦ». На приеме представители общины всячески восхваляли священника Сорокина, говоря, что он сумел завоевать их доверие своим отношением и службой»⁵.

После поездки в Москву делегации прихожан, ситуация в Лианозове не успокоилась. Пять дней к ряду продолжались собрания возле церкви, где собирались дополнительные подписи под обращением к церковным и светским властям, содержащим требования вернуть священника Сорокина на лианозовский приход. Для «умиротворения» прихода патриархия направила своего представителя, священника Преображенского, по словам которого: «Весть о моем прибытии разнеслась как молния по всей округе, и за какие-то 30–40 минут возле церкви собралось восемьсот человек. Люди требовали вернуть священника Сорокина, говоря, что он хороший проповедник, создал хор, снизил таксу за требы и свечи, привлекает в храм молодежь»⁶.

Требования верующих удовлетворены не были. Имя священника Сорокина надолго исчезло из дел уполномоченного и вдруг оно появляется в отчетно-информационном докладе уполномоченного Трушина председателю Совета Карпову, в котором помимо всего прочего говорилось о том, что за первое полугодие 1956 года в Московской области умерло шесть священников. В том числе назывался и убитый 26 апреля 1956 года священник Сорокин, похороненный 30 апреля в Москве на кладбище Даниловского монастыря.

Коллизия этого сюжета завязалась вскоре после того, как в 1952 году в церкви Николо-Железновского погоста произошла кража, и 27 августа 1952 года прокурор Высоковского района Московской области отправил управляющему Московской епархией следующее отношение: «В Высоковском районе отделение милиции от священника Николо-Железновской церкви гражданина Митрофанова поступило заявление о хищении из алтаря церкви ковра и покрывала, а из стола, в коем хранятся свечи, 1000 рублей. Преступник, похитивший деньги и вещи, пока не выявлен, но при проверке установлено, что управлением церкви занимается так называемая «двадцатка». В этой «двадцатке» собрались непроверенные люди – проходимцы и пьяницы. По инициативе «двадцатки» производился ремонт церкви. Следовало уплатить по договору за произведенные работы 18.000 рублей, а реально было выплачено 32.000. Причем выплата произведена без акта приемки работ. В сейфе церкви хранится несколько десятков тысяч рублей, но точного учета сумм никто не ведет.

По положению Святейшего Синода за финансово-хозяйственную деятельность церкви должен отвечать священник, занимающий должность настоятеля. Но в указанной церкви священник Митрофанов от управленческой деятельности совершенно устранен членами «двадцатки»⁷. С целью наведения порядка прошу выслать в приход Николо-Железновской церкви ревизора. О результатах проверки прошу сообщить в прокуратуру»⁸.

Уполномоченный Совета по делам РПЦ по М. О. Трушин писал председателю Совета по делам РПЦ Карпову: «Направляю вам копию письма прокурора Высоковского района от 27 августа 1952 года, адресованного в московскую патриархию, в котором указывается на беспорядки, имеющих место в общине верующих Николо-Железновской церкви Высоковского района. От Московской Патриархии прокурор просит навести соответствующие порядки, а о результатах сообщить ему. Учитывая направление действий прокурора и во избежание повторений ошибок такого рода, прошу вас сделать соответствующие указания»⁹.

В результате этой переписки были сделаны «оргвыводы», и на приход, где всем заправляла своевольная «двадцатка», был послан о. Владимир Сорокин, который приехал туда один,

⁵ Там же

⁶ Там же

⁸ ЦГИАМО ф.7383 оп.3 д.5

⁹ Там же

⁷ В те времена настоятель вместе с клириками отстранялись от участия в приходском собрании и Приходском Совете. Хозяйственные и финансовые попечения о приходе и храме возложены были на исключительно мирянские по своему составу приходское собрание и приходской совет во главе с председателем – старостой.

без семьи, оставив жену и детей в Москве. Поселился он в сторожке при храме и со свойственным ему рвением взялся за дела.

Принявший столь сложный приход о. Владимир довольно скоро навел порядок в делах, и следы его деятельности до сих пор заметны в этом храме. Устроенное ещё до революции калориферное отопление с годами пришло в негодность, и после войны церковь отапливалась двумя шведскими печами. Вопрос отопления в зимнее время для храма, который был духовной твердыней для всей округи, являлся важнейшим, и потому стараниями о. Владимира удалось провести в церковь паровое отопление¹⁰. В теплое время года под руководством батюшки прихожане насадили при храме яблоневоый сад¹¹.

За три года своего служения о. Владимир стал любимцем прихожан, но, как это часто бывает, такие люди вызывают ревность и неприязнь у тех, кому, может и сами того не зная, «перешли дорогу», не давая творить безобразия.

Во всяком случае, кто-то так возненавидел о. Владимира, что не остановился даже перед убийством.

По воспоминаниям прихожан, в тот далекий апрельский вечер в церковную сторожку, где квартировал о. Владимир, пришел клирик храма, с которым завязался не совсем приятный разговор. Гость о. Владимира в 1937-м году был репрессирован, и проведя многие годы в лагерях среди уголовников, что называется «нахватался блатных замашек». Дело было 26 апреля, шел Великий пост, готовились к Пасхе, которая пришлась на 6 мая, но гостю батюшки почему-то приспичило выпить. Он был настойчив, и вообще-то мало пивший о. Владимир, только чтобы отвязаться от него, согласился. Разлили вино по кружкам, чокнулись, о. Владимир пригубил, и отставил свою чарку, гость же и так разгоряченный спиртным, хватив свою порцию, завел разговор об облачениях, каких-то счетах. Уставшему за день священнику едва удалось его выпроводить.

Заперев двери на засов, оставшийся один о. Владимир стал готовиться ко сну, и в этот момент нижняя часть окошка, разделенная рамой на четыре стеклянных квадрата, разбилась, и, когда отец Владимир подошел чтобы посмотреть, что там произошло, в отверстие просунулся ствол пистолета, и грянул выстрел. Пуля, попав в лицо, сразила Владимира Ниловича Сорокина наповал, он упал на пол уже мертвым¹².

То, что было далее, можно узнать из документов уполномоченного Трушина: «Весть об убийстве 26 апреля 1956 года священника Сорокина всколыхнула массу верующих. С мая 1956 года резко увеличился приток посетителей церкви. В день проводов тела священника Сорокина в Москву в церкви и около неё собралось несколько тысяч человек. Даже до настоящего времени (7 февраля 1957 года) почитатели священника Сорокина приезжают в Москву и посещают церковь Даниловского кладбища, где похоронен священник Сорокин»¹³.

На Донском кладбище о. Владимира похоронили потому, что в соборе Донской Божией Матери, в котором после войны возобновили службы, выпускник семинарии Владимир Нилович Сорокин был посвящен в сан священника. Говорят, что в день рукоположения сказано было опытным священником, обладавшим даром прозорливости: «Яркая свеча православного служения загорелась нынче! Жаль недолго светить ей, сгорит быстро».

Могила о. Владимира Сорокина сохранилась по сей день, и даже портрет покойного батюшки на монументе, установленном над ней, цел, так что мы можем видеть лик священника погибшего рано, но успевшего оставить столь заметный след своим служением.

Валерий Ярхо.

¹⁰ Отопление в храме работало до наших дней. Его сменили лишь несколько лет назад.

¹¹ Сам о. Владимир яблочек из этого сада отведать не успел, но он и сейчас цел, плодоносит, и каждый год, собирая яблоки, прихожане добрым словом поминают покойного священника.

¹² По этому делу был арестован сначала тот клирик, который вечером пришел к покойному о. Владимиру, но доказать его вину не смогли. Потом взяли дьякона, но тоже отпустили. Кто действительно убил священника, так и осталось неясно.

¹³ ЦГАМО ф.7383 оп. 1 д. 41 (1957 год)

«Чаепитие В Мытищах», «Тройка», «Охотники на привале» - картины Василия Перова вот уже второе столетие продолжают подкупать зрителя свое искренностью, реализмом, порой жестоким. И очень жаль, что самое грандиозное полотно Василия Григорьевича – «Никита Пустосвят. Спор о вере» - осталась недописанной. В сокровищнице русской живописи найдется не так уж и много столь же масштабных полотен на религиозную тематику, неискушенный любитель живописи скорее всего навскидку припомнит лишь «Явление Христа народу» Иванова и «Христос и Грешница» Polenova.

ЗАДУМКА

Свой шедевр Перов начал прорабатывать в конце 1870-х, а время активной работы пришлось на 1880-1881-е годы. Некоторые участки полотна остались непрописанными до конца, образы отдельных лиц Перов, по его собственным словам, собирался переписать иначе, но смерть, которая настигла художника 29 мая 1882 года в подмосковных Кузьминках, перечеркнула дальнейшие планы.

Возможно, Перов не приступил бы к картине подобного сюжета, если бы не его знакомство с Павлом Ивановичем Мельниковым-Печерским, автором знаменитой дилогии «В лесах. На горах.». Писатель развернул на страницах своего знаменитого произведения настоящую эпопею из жизни старообрядцев, и, познакомившись с Мельниковым-Печерским в конце 1870-х, Перов немало времени провел с ним в беседах, выясняя историю раскола. Также Мельников-Печерский снабдил Перова портретами старообрядцев – ведь привлечь людей весьма сурового образа жизни в качестве натурщиков было затруднительно. Приняться же за картину Перова уговорил Иван Иванович Шишкин, поскольку Перов сомневался: сил и времени большое полотно сулило отнять изрядно, а перспективы продажи были весьма туманны.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Итак, чтобы понять сюжет картины, перенесемся в середину 17 века – во времена царствования «тишайшего» - царя Алексея Михайловича Романова – сына Михаила Романова – первого из новой царской династии. На царствование Алексея Михайловича, ревностно относившегося в вопросам веры и благочестия, приходится начало трагической истории раскола. Инициированное патриархом в 1653 году Никоном исправление богослужебных книг по греческому образцу вызвало огромное возмущение в народе, и в первую очередь – в духовенстве. Сама идея Никона была, несомненно, правильной: за столетия переписывания богослужебных книг вручную в тексты вкралось множество описок и ошибок. К тому же нужно было унифицировать практику богослужений, сделать чинопоследования по единому образцу. Но вот методы Никона – рубить сплеча – никуда не годились. Учитывая действительно серьезное и трепетное отношение к вере у русского народа, об изменениях следовало сперва растолковать, а затем, планомерно, вводить исправленные книги взамен старых, корректировать элементы богослужений. В итоге – Русь всколыхнулась, разделившись на сторонников старого и нового обряда. Масла в огонь подливал еще и тот факт, что для корректировки книг в Москву были вызваны ученые греки, Греция в те годы находилась под турецким игом, и в глазах обывателей пришлые исправители книг виделись едва ли не лазутчиками турецкого султана. Конфликт не прекращался. Восстал Соловецкий монастырь, усмиренный с крайней жестокостью лишь через два года. Соборы 1656 и 1667 годов объявили старообрядцев еретиками и анафематствовали их. После поместного Собора 1681 года начались расправы и массовые казни старообрядцев.

В 1682 году царевна Софья Алексеевна стала регентшей при малолетних царевичах Иване и Петре благодаря поддержке стрельцов. Те, в свою очередь, были искусно взбаламучены боярами Милославскими, не желавшими видеть на престоле малолетнего царевича Петра – представителя рода Нарышкиных. Стрелецкий бунт получил название Хованщина. Кремль был взят под вооруженный контроль, все его обитатели сделались заложниками. Стрельцы вручили власть Милославским и рассчитывали на их милость. Патриарх Иоаким венчал на царство двух братьев сразу. Казалось бы, и стрельцы, и Милославские достигли своих целей, но на поверку и те, и другие стали заложниками ситуации. Стрельцы могли диктовать свою волю боярам только из Кремля. За его стенами с краснокафтанным братией как минимум перестали бы считаться, а то и покарали бы за расправы над Нарышкиными. В свою очередь Софья Алексеевна понимала, что ей можно рассчитывать на верность стрельцов лишь до поры-до времени. Стремясь обезопасить себя и близких, она поставила над стрельцами боярина Ивана Андреевича Хованского. Князь Хованский же стремился упрочить собственную власть и для этого охотно поддержал раскольников: лучшего рычага для давления на Софью было не найти.

СЮЖЕТ.

5 июля 1682 года в Грановитой палате Московского Кремля состоялся «спор о вере». Ослабленная дворцовым переворотом власть оказалась в руках царевны Софьи Алексеевны, что стала регентшей при малолетних царевичах Петре и Иване. Силовым сценарий захвата власти помогли осуществить стрельцы, многие из которых придерживались старого обряда или же сочувственно относились к нему. Пользуясь случаем, группа старообрядцев потребовала провести публичный диспут для выяснения истины и возврата к древней традиции русского Православия. Первоначальное предложение старообрядцев о публичном диспуте было отвергнуто, и прения состоялись в Грановитой палате. Полотно запечатлело один из наиболее жарких эпизодов противостояния. В правой части – группа раскольников-старообрядцев и поддерживающих их стрельцов, в левой- представители светской и церковной власти.

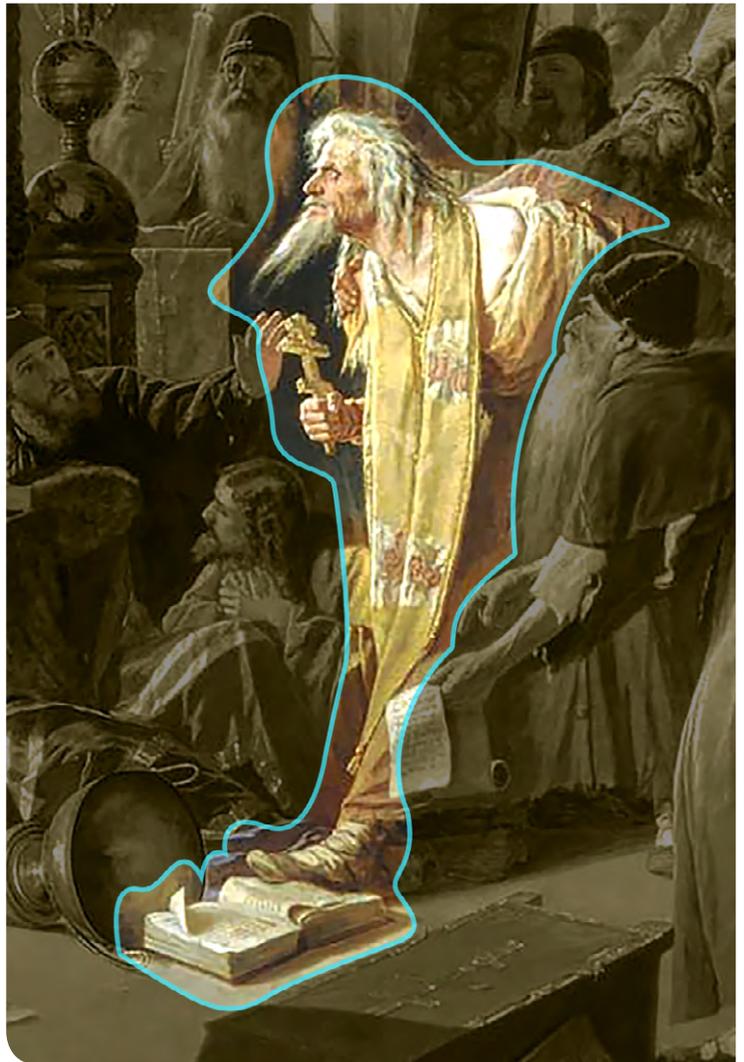
НИКИТА ПУСТОСВЯТ

Настоящее имя священника, возглавившего представительство старообрядцев – Никита Константинович Добрынин. Оскорбительное прозвище «Пустосвят» было дано священнику Никите его противниками, намекавшими тем самым на его неправоту в вероучительных вопросах. Служил он в соборе Рождества Пресвятой Богородицы в Суздале. Еще при патриархе Иосифе участвовал в исправлении церковных книг, при этом был в соработничестве с протопопом Аввакумом, также принявшим впоследствии сторону старого обряда и казненным весной 1682 года. С 1659 года священник Никита судился с архиепископом Стефаном, а в 1665 году закончил основную работу над «Великой челобитной». В «Челобитной», адресованной царю Алексею Михайловичу и содержащей более 200 страниц, были приведены 52 изменения или отступления, которые по мнению Никиты Константиновича были допущены в изданной по повелению патриарха Никона книге «Скрижаль». Свои обвинения автор

«Челобитной» сопровождал комментариями на основе Священного Писания, святоотеческих творений и церковной истории. По всей видимости, уровень знаний суздальского священника был весьма и весьма высок. На соборе 1666 года после долгих прений, на которых священник Никита спорил с архиереями, а также с прибывшими на Собор Паисием Лигаридом и Симеоном Полоцким, он был лишен сана и предан анафеме. Следующие его годы жизни истории неизвестны. Сохранились лишь разрозненные факты: при патриархе Иоакиме он вновь подвергся наказанию, а в 1681 году безуспешно подавал прошение о восстановлении в сане.

Между тем, надежда на восстановление «старой веры» в Московском государстве в то время еще теплилась у какой-то части приверженцев «древлего благочестия». Группа активных мирян и духовенства старого обряда попыталась назначить проведение диспута на Лобное место, но все же местом спора была определена Грановитая палата.

На картине Перова протопоп Никита изображен в разгар жаркого спора. Художнику было непросто найти натурщика для столь колоритного образа, но в итоге он нашел подходящего среди бродяг. Сложнее всего давалось выражение лица. По свидетельству Перова, нужное выражение он увидел во сне, после чего немедленно проснулся, зажег огонь и запечатлел приснившееся на холсте. На картине Никита кричит, обращаясь к патриарху Иоакиму, под ногой его – попранная церковная книга с никоновскими исправлениями. Одежды его до невозможности бедны, а о священническом сане напоминают лишь восьмиконечный крест в руке и епитрахиль на плечах. Волосы священника растрепаны - при входе в Грановитую палату раскольники вступили в потасовку со священниками, досталось и самому протопопу Никите. В его облике – горение верой, доходящее до фанатизма. Никита Константинович – квинтэссенция старообрядчества, его необузданная энергия, побуждавшая людей уходить в леса и даже принимать добровольную смерть за свои идеи.

ЦАРЕВНА СОФЬЯ АЛЕКСЕЕВНА

Царевна возвышается над собравшимися, в её облике недовольство и тревога. Возведенная на регентство стрельцами в мае того же 1682 года, она находилась в очень шатком положении: ей во что бы то ни стало не следовало восстанавливать стрельцов против себя, однако же часть из них придерживалась старого обряда. Поэтому отказаться от проведения «При о вере» царевна не могла, но в то же время и в самих прениях она участия и не принимала, оставаясь свидетелем. Ведь признать правоту старообрядцев – значит признать неправоту своего отца – царя Алексея Михайловича, во времена царствования которого и начались гонения. Софья тоже гневается, но гнев её замкнут в себе, он не рвется наружу как у протопопа Никиты, но в то же время бледность лица и нервно сжатые руками края одежды выдают её волнение.

Политические интриги закончились для Софьи Алексеевны печально. Оставленная стрельцами в 1689 году, она вынужденно уступила власть царевичу Петру и была удалена в монастырь. Мятежная царевна, очевидно, была инициатором стрелецкого бунта 1689 года, отчаянно пытаясь вернуть власть. Но по иронии судьбы стрелецкие войска были разгромлены петровскими полками под стенами Новоиерусалимского монастыря, основанного патриархом Никоном, даже не дойдя до Москвы.

ПАТРИАРХ ИОАКИМ

Патриарх Московский Иоаким принимал живое участие в борьбе со старообрядчеством: рассылал архиереев для увещевания, издавал полемические сочинения, критиковавшие старый обряд, ходатайствовал на Соборах об усилении борьбы со старообрядцами. Иоаким положил немало трудов на то, чтобы оградить Русскую Церковь от иностранного влияния, в первую очередь - католического, добивался высылки иезуитов и запрещения строительства любых неправославных храмов. Но, к сожалению, деятельный патриарх был весьма жесток в отношении старообрядцев: именно он был сторонником введения пыток, смертной казни для старообрядцев. Большой трагедией стал изданный царевной Софьей по инициативе патриарха закон под названием «12 статей». В законе были указаны

различные виды наказания для державшихся «старой веры», вплоть до казни через сожжение. Суровое наказание предписывалось и для тех, кто, зная о старообрядцах, не выдавал их властям. В русской карательной практике задуманные патриархом Иоакимом меры стали одними из самых безжалостных. Итогом их стало массовое бегство старообрядцев из Москвы и предместий в Поморье, на Керженец, за границу.

В Грановитой палате патриарх Иоаким спросил староверов, зачем они пришли и каковы их требования. Никита Добрынин ответил: «Мы пришли к царям-государям побить челом о исправлении православной веры, чтоб дали нам своё праведное рассмотрение с вами, новыми законодателями, и чтоб церкви Божии были в мире и согласии». Патриарх возразил, что не пристало им исправлять что-либо в церковных делах, поскольку они ещё «грамматического разума не коснулись». В ответ Никита заявил: «Мы пришли не о грамматике с тобою говорить, а о церковных догматах!» Патриарх Иоаким изображен в неподвижной позе, он не ведет диалог с оппонентами, а лишь взирает на них, ожидая окончания диспута. В руках у патриарха – книга («Вот старые книги, - сказал он во время спора, - и мы им вполне последуем»). Ни патриарх, ни архиереи так и не ответили на вопросы, составленные старообрядцами соборно, также не сумели они дать ответы на вопросы челобитной, составленной лично протопопом Никитою.

МОНАХ СЕРГИЙ

Монах-старообрядец Сергей держит в руках грамоту. Это и есть челобитная, в которой изложены основные спорные вероучительные моменты, требовавшие обсуждения. Сергей не гневается, подобно Никите, но спокойно взирая на представителей церковной и светской власти и, указывая правой рукой на челобитную, как бы предлагает рассмотреть вопросы по существу.

Создание челобитной произошло так: в Титове стрелецком полку рассуждали о том, чтобы подать челобитную патриарху, дабы тот ответил от божественного писания, отчего возненавидели старую православную веру. Но в полку не нашлось грамотного человека. Тогда и отыскивали «ревнителя отеческих преданий и твердого адаманта», монаха Сергия. Стрельцы, когда была им прочитана челобитная, пришли в изумление: «Отроду не слышали мы такого слога и такого описания ересей в новых книгах!» – говорили они. Готовую челобитную представили князю Хованскому. Боярин также был поражен обилием ересей и попросил представить ему автора челобитной. Однако допустить Сергия к ведению диспута Хованский не решился: «Вижу тебя, отче инока смиренна и тиха и неродословна, не будет тебя с такое великое дело, надобно против них человеку многоглаголивому ответ держать». Сергей отвечал: «Хотя я и не многословен и не навичен клюкам их и высокоречию, однако надеюсь на сына божия, рече бо: не вы будете глаголющии, но дух отца вашего».

Тут другие раскольники, чтоб дать Хованскому надежду на успех, объявили ему, что за дело возьмется знаменитый Никита, священник суздальский, хотя и отрекшийся сначала от раскола, но теперь опять за него ратующий.

По мнению историков, прообразом Сергия мог быть игумен Сергей, известный также под светским именем Симеона Крашенинникова. Был он учеником и последователем сожженного в Пустоозерску протопопа Аввакума и вместе с игуменом Досифеем периодически приезжал в Москву. Одно время увлекался он учением самосжигателей, о котором похвально отзывался и сам Аввакум. Впоследствии, когда Сергей на практике увидел весь ужас массовых самосожжений, стал их яростным противником, сочтя их изуверством.

АРХИЕПИСКОП АФАНАСИЙ

Будущий архиепископ, а в миру- Алексей Артемьевич Любимов-Творогов родился в 1641 году в Тюмени. Овдовев, его мать постриглась в монахини. А сына отдала на послушание в Успенский Далматов монастырь. Там же в 1666 году юноша принял монашеский постриг с именем Афанасий, а годом спустя был рукоположен в иеромонаха. В 1679 году был направлен в Москву, где патриарх Иоаким зачислил его в число крестовых иеромонахов при патриаршем доме. Монахи эти редактировали Священное Писание, а сам Афанасий в то же время активно боролся со старообрядчеством, по примеру патриарха Иоакима. В 1682 году Афанасий был хиротонисан во епископа Холмогорского и Важеского. Хиротония состоялась в марте, но отъезд во вверенную

епархию откладывался, что дало Афанасию возможность принять участие в «Споре о вере» 5 июля.

Афанасий был человеком образованным - в описи его библиотеки содержатся 270 названий книг и 490 отдельных томов, в том числе книги на латинском, греческом и немецком языках, медицинские, исторические, географические, военные сочинения. В его доме имелись «книга атлас», «книга карта морская», «всякие картины и чертежи», «два глобуса на станках», «компас», «двенадцать чертежей да две карты морские». Поэтому, когда во время диспута патриарх Иоаким не смог найти ответ на поставленные протопопом Никитой вопросы, епископ Афанасий вмешался в спор. Именно этот момент изображен на полотне Перова. Историки не вполне едины во мнении, как именно священник-старообрядец прервал епископа Афанасия. По одной версии Никита не бил епископа, «отведе мало рукою» со словами: «Что ты, нога, выше главы ставишися, я не с тобою говорю, но с святейшим патриархом». Видя такую

ситуацию, инициативу попыталась перехватить царевна Софья, закричав: «Видите ли, что Никита делает в наших очах, архиерея бьет, а без нас и давно убьет». На что «предстоящие» ей ответили: «Нет де, государыня, он не бьет, лишь только рукою отвел да не велел ему прежде патриарха говорить». Иные утверждают, что Никита ударил епископа Афанасия крестом – «запечатлел крест» на щеке – то чего Афанасий упал. Именно эту версию и изобразил художник. На картине разъяренного Никиту оттаскивают от Афанасия стрелецкие выборные. Есть и третья версия: на сохранившейся парсуне Холмогорский архиепископ изображен безбородым и безусым. Скорее всего, дело было в особенностях организма, но после «Спора о вере» возникло предание, -де Никита Пустосвят набросился на Афанасия и вырвал ему половину бороды. Вследствие этого вторую - оставшуюся – половину архиепископ вынужден был брить. Но это, скорее, из области легенд.

ЖЕНЩИНЫ НА ЦАРСКОМ МЕСТЕ

Место женщины в русском патриархальном обществе всегда было позади власть имущих мужчин. Редкие случаи, когда особы женского пола становились во главе государства, можно перечитать по пальцам,

и все они были обусловлены какими-то экстраординарными событиями или условиями регентства при малолетних мужчинах-государях: княгиня Ольга, Елена Глинская, Ирина Годунова, Ксения Романова (она же инокиня Марфа), Софья Алексеевна. Вошедших в Грановитую палату старообрядцев, вероятно, поразило небывалое зрелище: если о регентстве Софьи Алексеевны они, разумеется, знали, то присутствие на троне ещё трех женщин, видимо, должно было их сильно потрясти. Женщины эти были: царица Наталья Кирилловна – мать царевича Петра Алексеевича, царевна Татьяна Михайловна – дочь царя Михаила Федоровича и Марья Алексеевна – родная сестра царевны Софьи. Надо отдать должное мужеству женщин. Ведь, по свидетельству историка Соловьёва, даже сам патриарх из грядущего собрания не чаял выйти живым и в Грановитую палату шел со слезами. Трепетало и боярство, умоляя Софью Алексеевну не присутствовать на диспуте.

На полотне ниже всех сидит Татьяна Михайловна – она старше остальных, ведь царевне Софье она приходится теткой. В ужасе заломила руки мать будущего императора Петра Наталья Кирилловна, с недоумением смотрит на разыгравшиеся страсти молодая Марья Алексеевна – ей только 22 года и все происходящее пугает её.

ВАСИЛИЙ ГОЛИЦЫН

Над фигурами двух монахов, одесную царевны Софьи Алексеевны стоит молодой видный боярин – Василий Васильевич Голицын. Голицын известен как автор проекта модернизации России, альтернативного Петровскому. Выступал за сотрудничество с Западом, предпринял два Крымских похода и заключил «Вечный мир» с Польшей. Фаворит Софьи Алексеевны, в царствование Петра Первого был лишен имущества и окончил жизнь в ссылке.

На картине Василий Васильевич сосредоточен, но, тем не менее, стоит безучастно: его дело – внешняя политика, в церковных спорах сказать ему, по-видимому, нечего, и он остается, несмотря на видное положение при дворе, всего лишь наблюдателем.

МОНАХИ ЗА АНАЛОЯМИ

Историк Сергей Михайлович Соловьёв описывает вход старообрядцев в Грановитую палату: «С шумом вошли раскольники в Грановитую и расставили свои налои и свечи, как на площади; они пришли утверждать старую веру, уничтожать все новшества...». Но по сути диспута как такового не получилось: ответить по существу на гневные вопрошения протопопа Никиты патриарх не смог, а царевна Софья, опасавшаяся раскольников, бросалась гневными фразами и не способствовала примирению сторон. Стоящие за аналоями справа два монаха пытаются ещё вникать в суть богословских вопросов, стоящий же слева монах уже понял: никакого живого результата собрание не даст, стороны не способны ни на диалог, ни на примирение – ведь из разряда дел богословских проблема давно уже перешла в разряд политических интриг.

ИНОКИ

На помощь раскольникам, собиравшимся отстаивать старый уклад, в Москву прибывала помощь, порой издалека. Шли они в столицу, искренне надеясь на мирный исход дела,

но случившееся в Грановитой палате обескуражило их. Слева - монах Савватий, прибывший из волоколамских лесов. С иконой Страшного суда он кричит что-то, в тщетной попытке урезонить стороны и от рукоприкладства перейти к словам. Но тщетно – и стоящий справа безвестный инок, кажется, уже понял это и молча, с испугом взирает на происходящее, замерев с образом в руках.

ИТОГИ «СПОРА О ВЕРЕ».

Никакого спора так и не произошло. Царевны покинули Грановитую палату, пообещав продолжить прения в другой день. Хотя Никите Добрынину и удалось огласить челобитную, не получив возражений по существу, и раскольники выходили с диспута, радостно крича «Победихом, посрамихом, перепрехом!», усилия их были тщетны. Софья подпоила и подкупила часть стрельцов. Стрельцы принесли заручные, что впредь вступаться за старую веру не будут. Те же стрельцы похватили и выдали лидеров староверов. Никите Добрынину отрубили голову 11 июля на Лобном месте. Он оказался первым и последним в истории осужденным, казненным на Лобном месте, с которого обычно зачитывали царские указы. Хованский никак не мог спасти его, сумев выручить лишь Сергия, которого сослали в ярославский Спасский монастырь, и некоторых монахов, наказание для которых ограничилось ссылкой.

В том же году был казнен и Хованский – слишком опасен оставался он для царевны Софьи, а вместе с отцом смерть принял и сын Андрей. Сама же Софья ужесточила наказания для староверов, но по иронии судьбы впоследствии сама закончила жизнь в монастырской ограде: возмужавший царевич Петр, вернув себе законную власть, заточил царевну в Новодевичий монастырь.

Само же полотно стало лебединой песней тяжелобольного чахоткой Перова. Удалась ли она с художественной точки зрения? Критики расходятся во мнения. Вот что писал известный критик Владимир Васильевич Стасов, оценивая картину Перова и оперу Модеста Мусоргского «Хованщина»: *«У обоих авторов нет ничего враждебного, ничего нетерпимого к раскольничьей, сектантской Руси, не взирая на весь осадок нелепости, закоренелой темноты и дикости, существовавшей там рядом со множеством хорошего. Оба автора светло видели, видели всеми глазами души, сколько чудесного, могучего, чистого и искреннего было все-таки на стороне этой Руси, и всего более видели, как она была в своем праве, отстаивая свою старую жизнь и зубами, и когтями... Перов мало способен был к изображению многосложных сцен, событий, характеров, моментов — что он ни пробовал в этом роде, все не удавалось, все выходило слабо и неумело; но отдельные личности собственно из народа не могли ему не удалиться, и вот поэтому-то в такой неважной, нестройной и неудовлетворительной картине, как «Никита Пустосвят», мы встречаем, среди общего запустения и неудачности, такие изумительные создания, как сам Никита и главный его товарищ, стоящий в нескольких шагах позади него с серебряным образом в руках... Только вся левая сторона картины, там, где царевна Софья, боярыни, русское православное духовенство и иностранные гости, — уже вполне лишена всякой талантливости, характеристики и правды...»*

Действительно, в картине Перова видится поединок двух сил, одной из которых художник сочувствует, но ни одну не идеализирует. Как и в гоголевском «Ревизоре» здесь нет положительных главных героев: ни в фанатичных ревнителях старой веры, ни в закосневшем в интригах боярстве, ни в неспособном на милосердия высшем духовенстве. Итог противостояния, запечатленного кистью мастера, обернулся огромной раной для Церкви, последствия которой и поныне не до конца уврачеваны.

Михаил Позвонков.

НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ. О картине "Никита Пустосвят"

Николай Семёнович Лесков

Нелишним будет привести здесь мнение Н. С. Лескова, знатока нашего раскола, с которым, то есть с мнением, он выступил в письме к г-ну Александрову, редактору «Художественного журнала». На предложение последнего высказаться печатно по поводу картины Перова Лесков откликнулся так:

«Вы хотите знать мое мнение о картине Перова с точки зрения человека, несколько разумеющего историю раскола. Я полагаю, что с этой точки картина „Никита Пустосвят“ представляет собой удивительный факт художественного проникновения. Раскол у нас считали, а многие до сих пор считают, исключительным делом темных фанатиков, с одной стороны, и упрямых церковников – с другой. Те будто о пустяках начали спорить, а эти и пустяков не хотели уступить. И выходит как будто так, что будь столпы господствующей церкви податливее, то раскола у нас бы и совсем не было. Так это всегда и на картинах писывали: одних изображали тупицами, а других – безучастными формалистами.

Щапов начал выводить раскол из политики и был близко у истины, но не стерпел ее и наговорил вздора. Это была треба, которую он совершил перед одуряющим идеалом направления. Суворин в превосходно написанной и тщательно пройденной рукою графа Льва Толстого брошюре „Патриарх Никон“ подошел к предмету еще ближе. Там вы уже видите не политику, как хотелось Щапову, – а именно религиозную партийность. И Суворин прав. Раскол есть дело не фанатиков и не политиков, а это дело неугомонных московских честолюбцев и интриганов, образовавших религиозную партию, у которой были выгоды враждовать с „грамотеями“, ибо эти, при своей образованности, видимо, „забирали верх“ при дворах царском и патриаршьем. Так это чувствовалось и угадывалось людьми, которые истину любят более, чем свои предвзятые идеи. Но в 1882 году в последней посмертной исторической работе усопшего митрополита Макария Булгакова мы получили уже фактические драгоценные указания на то, что правительство и церковь готовы были сделать полные уступки желаниям партии, которую водили за собой враждебные патриарху московские протопопы, но те не хотели этих уступок и скрывали их от народа. Почему? Обыкновенно думали – будто по тупости. Но митрополит Макарий привел ясные доказательства, что тут действовало иное, именно борьба за существование. Вожди раскола, поднявшие религиозную распрю из буквенных споров, дорожили этой распрей как средством возобладать над грамотеями, которых они имели все причины ненавидеть и бояться. А потому, что бы им ни уступало правительство и церковь, для них все было невыгодно, ибо они не хотели, не могли хотеть примирения, так как оно уничтожало всякое их значение. Спор и распря, даже самые неудачные, для них были во всех отношениях выгоднее, и они их поддерживали, фанатизируя народ „сказыванием чудес“.

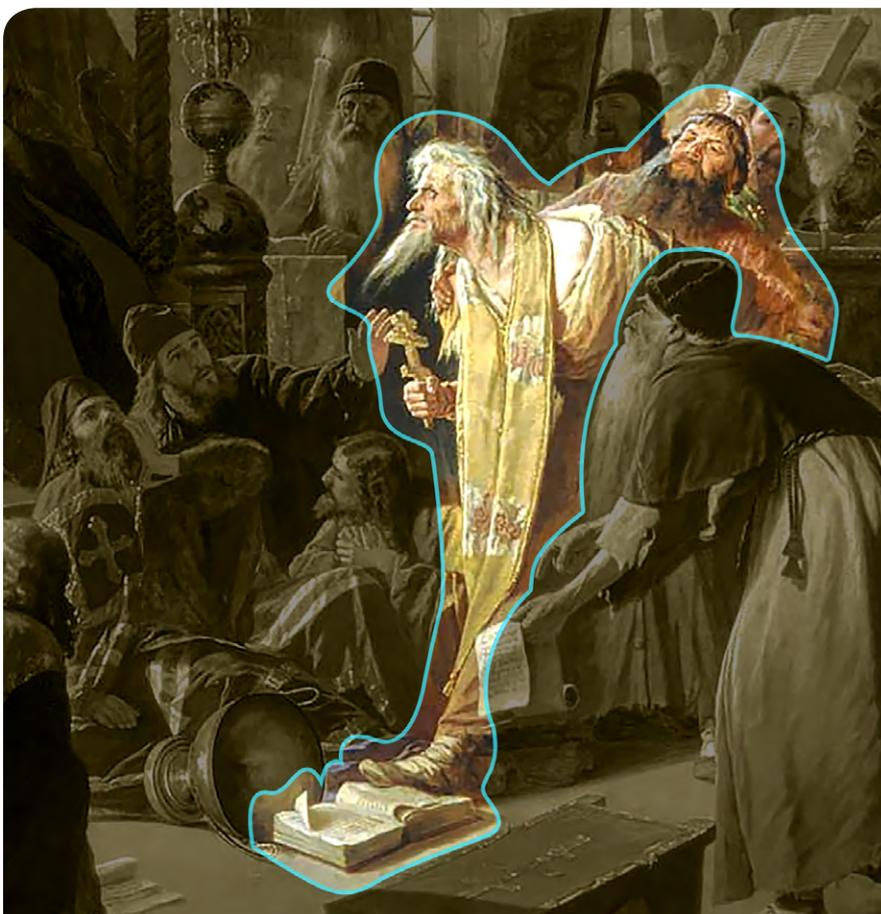
Монахи же, которым дело религиозное было видней, часто сами недоумевали, из-за чего спорят и куда их тянут „дворские протопопы“. Первой, кто рассмотрел настоящую суть этой махинации, была Софья, и в остром взгляде ее круглых глаз на картине, при виде безумного азарта Никиты, надо, кажется, видеть именно тот момент, когда она поняла, что тут никакие уступки не помогут, и сказала себе: „Этот слишком далеко метит!“

Непримирим, как видите на картине, один Никита, который уже хватил крестом по лицу архиерея и из себя рвется запечатлеть тем же патриарха. С этим человеком уже нечего и не о чем говорить, – ему нужны не уступки, мирящие совесть верующих, а ему нужны распря и бой за преобладание его партии. Он один и вождь, и политик всего движения. Фанатики с ним, конечно, есть, и чрезвычайно типичные, очень похожие на идолопоклонников; но это все хвост, который Никита может откинуть в какую ему угодно сторону. Пусть они тычут вверх иконы и книги, но он все это может „замирить“, если захочет. Всех безжалостнее и спокойнее стоят за своими аналогиями иноки. Два из них еще что-то доказывают, но очень спокойно, а третий справа уже приумолк. Он задумался и, выслушав доводы и уступки, не знает, стоит ли о чем дальше спорить? И не о чем, действительно, было бы спорить, если бы это было дело церковное, а не дело партии придворных интриганов, которые выпускали таких бойцов, как Никита. Все было подогреваемо ими и без них все пришло бы к тому покою, в котором смежил свои уста иннок, стоящий справа за аналоем. В этих трех фигурах, в Никите, в Софье и в умолкшем иноке, читается вся драма. Оробевший и, по-видимому, дрожащий патриарх, пересеменивающий слабой рукой по цепи своей Панагии, репрезентует церковь. Авторитетная власть без всякой силы животворящей идеи. Ее можно и не брать в расчет. Понимают дело только уставший монах, Никита да Софья. Монаху все равно, что сделать, – он пойдет, где „трапезнее“, к староверам или к новоявленным. Правительство, в лице Софьи, яснее всех видит, что интрига затеяла с ним долгую распрю и осенила ее священным стягом веры. Оно презирает эту действительно достойную презрения интригу, готовую играть судьбой государства, и решает не дать ей потачки. Интрига лезет на все, потому что ей уже нечего терять и у нее нет никаких путей отступления. В общем же все это является как какой-то исторический фатум.

В картине есть, кажется, лицо, назначенное выражать собой и самую пройдохскую московскую интригу. Мне думается, будто это тот коварный толстяк, который держит Пустосвята за одежду. Всмотритесь в его лицо; не говорит ли он: „Оставь, отче, – мы его вдругорядь доспеем“.

Может быть, я и ошибаюсь, но ведь так чувствуется, когда я всматриваюсь в это жирное, бесчестное лицо с отливом кощунственной набожности и предательского коварства. И потому я гляжу на эту картину как на проникновение в самую задушевную суть исторического момента, который она изображает».

Михаил Позвонков.

ВОПРОС-ОТВЕТ

Продолжаем публиковать ответы на вопросы читателей, которые мы получаем на электронную почту редакции voskresenie@hram1891.ru

Кирилл и Мефодий

- Какой алфавит является самым древним на Руси? Тот, что мы сейчас используем в церковном обиходе, или же был какой-то другой, дохристианский?

- Документально подтверждено, что первоначальным славянским алфавитом являлась глаголица. Её создал св. Кирилл, у которого было отличное понимание языка, и изобретенный им алфавит отлично годился для записи того славянского диалекта, которым он владел. Придуманные им буквы соответствовали элементам звучащей речи, то есть буквы обозначали фонемы. Братья Кирилл и Мефодий проделали огромную работу, создав письменность, приспособленную к звукам славянской речи, они подобрали слова, которые бы хорошо подходили для выражения православных христианских понятий – ведь целью было не просто дать народу письменность, но и приспособить эту письменность под перевод Библии и богослужений.

Можно представить, какую колоссальную работу пришлось проделать святым братьям с учетом того, что сами они были греками из города Солуни (Фессалоники)

Когда церковнославянским языком начали пользоваться в Болгарии, то глаголица была заменена кириллицей, то есть тем самым алфавитом, которым мы пользуемся сейчас. Собственно, изменение претерпели лишь изображения букв, в то время как система графических знаков кириллицы повторяла глаголицу. Кириллица стала необходима вследствие того, что болгары пользовались для записи славянской речи греческим алфавитом, но в нем отсутствовали буквы для обозначения некоторых звуков (ц, ч, ж, ш). Итак, из греческого набора букв, дополненного глаголицей получилась кириллица, своим названием напоминающая нам о святом авторе.

В одном из предыдущих выпусков нашего журнала мы публиковали статью о самых ранних памятниках письменности на русских землях. И да – они были записаны именно при помощи глаголицы или кириллицы- никаких более древних, дохристианских алфавитов археологи до сей поры не обнаружили.

Представители так называемого неоязычества часто используют миф о-де существовавшей до христианства письменности, которую якобы намерено уничтожили христиане, насаждавшие новую веру. Но в попытках подстроить историю под себя они забывают одно: если бы такая письменность существовала, то её мы могли бы видеть не только на бумажных и подобных носителях – в виде книг, манускриптов, берестяных грамот, но и на предметах быта, ритуальных орудиях, оружии. Тем не менее при раскопках древних захоронений и капищ археологи находят немало артефактов дохристианской поры, но никаких следов древней письменности так и не было обнаружено.

- Что такое второканонические книги? Это то же, что и апокрифы или нет?

Понятие второканонических книг относится к некоторым текстам Ветхого Завета. Ветхий Завет состоит из пятидесяти книг, они были написаны в период от XI до I века до нашей эры. Иногда их обобщенно называют корпусом ветхозаветных книг. Их содержание – история человечества и еврейского народа в частности от сотворения мира,

древнееврейское законодательство. В Иудейской традиции несколько ветхозаветных книг не рассматривались как священные, хотя их так же читали и переписывали. Это 2-я и 3-я книги Ездры, Товит, Иудифь, Премудрость Соломона, Премудрость Иисуса, сына Сирахова, Послание Иеремии, Варух, Макковейские книги. До нас эти книги дошли на греческом или латинском языке и называются неканоническими или второканоническими. Кроме того, есть несколько неканонических вставок в канонические книги Есфири, Псалтирь и пророка Даниила. Апокрифами же православные христиане называют книги, которые никогда и нигде не входили в состав Библии, как в корпус ветхозаветных текстов, так и в корпус новозаветных. Таковы, например, «Евангелие от Петра» в ряду новозаветных и «Завещание двенадцати Патриархов» в ветхозаветных.

- В Библии, особенно в Ветхом Завете, приводится огромное количество родословий. Все эти «Иаков родил Иуду...» - для чего они нужны в Священном Писании вообще?

- Люди древнего Израиля очень бережно относились к своим родословиям. Не знать своих предков было немислимо для благочестивого иудея. Так как во многом Ветхий Завет отражает ряд бытовых, законодательных вопросов. Повествует о родах и укладах жизни иудеев, то и такой важный вопрос, как родословные он не мог обойти стороной. Но и в Евангелиях мы видим отсылку к родословию Иисуса. Казалось бы – зачем? Но здесь родословная выступает уже как подтверждение того, что Христос был исторической личностью, реальным Человеком. К тому же, это подтверждение того, что все пророчества о Христе действительно сбылись. Две последних недели Рождественского поста Церковь посвящает памяти предков Спасителя – всех тех, кто жил, страдал, надеялся и верил в пришествие Спасителя.

- Верно ли, что если со стены или полки упала икона – то это к смерти кого-то из домочадцев?

- Если упала икона, то это не признак скорой смерти кого-то из домочадцев, а признак кривых рук того, кто делал для иконы подвес или полочку. Иконы – это образы Христа, Богоматери. Святых. На молитву мы встаем перед образом, но молимся не иконе, а первообразу – то есть тому, кто на ней написан. И уж тем более нельзя воспринимать икону как «аккумулятор благодати», порча или повреждение которого ведут к негативным последствиям. Но, само собой, с иконой нужно обращаться бережно и аккуратно.

- Грешно ли наклеивать на приборную панель автомобиля иконы Христа и Николая Угодника? Одни говорят, что это грех, но какой может быть грех от икон?

- Конечно, в том, чтобы наклеить икону или повесить образок в машине нет никакого греха. А вот далее все будет зависеть от Вашего отношения. Если для водителя образ святого или Спасителя – это такое вот напоминание лишней раз произнести молитву, проявить осторожность на дороге - то это хорошо. Но если икона вешается в машину как некий «волшебный оберег от аварий и инспекторов», если в этой же машине, невзирая на иконы, курят и сквернословят – то это уже явное пренебрежение к иконам, что, конечно, греховно.

Подготовил Михаил Позвонков.

КУЛИНАРНАЯ СТРАНИЦА Ангела за трапезой

Новоторжский уезд. Торжок.
Гостиница Пожарского.
Фотографъ - И. Горбуновъ. 2015 годъ

ПОЖАРСКИЕ КОТЛЕТЫ

«Когда Торжок неожиданно встает перед взором путешественника, едущего из Петербурга, он производит впечатление лагеря, разбитого посреди пшеничного поля. Его белые дома, башни, особняки напоминают восточные минареты. Видны позолоченные шпичи куполов, самые разные колокольни: круглые и квадратные, высокие и низкие, все зеленого или синего цвета; некоторые украшены маленькими колоннами; одним словом, этот город — предвестник Москвы.» - писал в 1839 году маркиз Астольф де Кюстин во втором томе знаменитых записок «Россия в 1839 году».

Сегодня Торжок лежит в стороне от трассы Москва-Санкт-Петербург, большинство туристов пролетают мимо, не удосужившись заглянуть в некогда бойкое место, даже название которого это подтверждает: торг, торжище - Торжок. Не сомневаюсь, что сейчас в Торжке найдется отнюдь не одно заведение, предлагающее сие восхитительное кушанье. Но сегодня готовить это старое русское блюдо мы будем дома.

Кстати, действительно ли оно русское? Тут историки от кулинарии расходятся во мнениях. Упомянутый де Кюстин в «Записках» котлеты не обошел вниманием: *«Торжок имеет еще одно, как нынче говорят, фирменное изделие — куриные котлеты. Когда император однажды остановился в Торжке в маленькой харчевне, ему подали на удивленье вкусные куриные котлеты. И торжокские котлеты сразу прославились на всю Россию. Вот история их происхождения. Одна местная трактирщица радушно приняла и сытно накормила несчастного француза. Перед отъездом он сказал ей: «Заплатить мне нечем, но я помогу вам разбогатеть» — и научил ее стряпать куриные котлеты. Благоклонной судьбе было угодно, чтобы император первым отведал блюдо, приготовленное по новому рецепту. Трактирщица из Торжка уже умерла, но заведение ее, перейдя к детям, пользуется прежней славой.»*

Без сомнения, маркиз упоминает те самые Пожарские котлеты, названные по имени Дарьи Евдокимовны Пожарской, родившейся в 1799 и усопшей в 1854 году. Была она дочерью торжокского трактирщика Евдокима Дмитриевича Пожарского.

Вообще, читать старинные книги и старинную же переписку весьма любопытно. Например, открываю письма Александры Осиповны Ишимовой. Не знаете, кто это? А ведь её книгами восхищался сам Пушкин! Талантливая детская писательница сегодня известна, увы, немногим, но в веке девятнадцатом её «Историей России в рассказах для детей» зачитывались и дети, и взрослые. В одном из писем 1844 года Ишимова сообщала: *«Но главная слава этой гостиницы заключается не в убранстве её, нет, ты верно не угадаешь в чём, любезная сестрица. В котлетках, которые известны здесь под именем Пожарских... Ты знаешь, что я небольшая охотница до редкостей в кушаньях, по мне любопытно было попробовать эти котлетки, потому что происхождение их было интересно: один раз, в проезде через Торжок Императора Александра, дочь содержателя гостиницы Пожарского видела, как повар приготавливал эти котлетки для Государя, и тотчас же научилась приготавливать такие же. С того времени они приобрели известность по всей Московской дороге, и как их умели приготавливать только в гостинице Пожарского, то и называли Пожарскими. Мы все нашли, что они достойно пользуются славою: вкус их прекрасный. Они делаются из самых вкусных куриц.»*

Вот, стало быть, и другая – патриотическая - история! А в некоторых источниках есть и такая версия: для проезжавшего императора Николая Первого не нашлось включенных заранее в меню телячьих котлет. Поэтому талантливый трактирщик сумел сделать не уступающие по вкусу котлетки из курятины, которые столь понравились самодержцу, что трактирщика Пожарского наградили, а блюдо стало символом города. Котлетами восхищались Брюллов, Сумароков, Радецкий, а «наше всё» Пушкин гостиницу Пожарского упоминает в письме к Наталье Николаевне (в августе 1833 года), в письмах к друзьям, в своей неоконченной статье "Путешествие из Петербурга в Москву", одна из глав которой так и начинается: "Расположась обедать в славном трактире Пожарского..."

Известно и пушкинское четверостишие, посвященное знаменитым котлетам:

*На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (имянно котлет)
И отправься налегке.*

Ну что же, приступим! Но начнем мы не с мяса, а с хлеба. С пшеничного батона срежем корочку и нарежем на тонкие ломтики. Дадим им подсохнуть пару часов и превратим их в кубики или соломку – единого мнения о форме сухарей нет, тут вольно определиться лично. Отправим сушиться в едва разогретую духовку и приступим к мясу.

Отделим куриное мясо от костей, удалим сухожилия. Вооружимся мясорубкой и перекрутим мясо в фарш. Добавим пару ломтиков белого хлеба, замоченных в жирных сливках, и прокрутим фарш еще раз. Натрём 150 граммов замороженного сливочного масла на мелкой тёрке, соединим с курятиной, посолим, поперчим и вымесим плотный фарш. Хорошо, если сам процесс будет идти на холоде, или же миска с фаршем будет поставлена на лёд.

Убираем фарш в холодильник остывать и взбиваем лезон для панировки: несколько яиц, пару ложек сливок, щепотку соли. Достаем фарш, мокрыми руками лепим овальные котлетки и быстро обваливаем в сухарях, предварительно обмакнув в лезон. Слишком толстыми делать их вовсе не нужно: достаточно толщины в пару сантиметров.

Интересно, что многие кулинары готовят пожарские котлеты, снабжая их куриною косточкой. Откуда пошла сия традиция – доподлинно неизвестно, ведь в самом первом рецепте, что был напечатан в 1853 году, упоминания о косточке нет, но в более поздних – присутствует. Кулинарные книги советского периода я пролистал внимательно, но упоминания о косточках в Пожарских котлетах не обнаружил. Думаю, что каждый волен решать это на свое усмотрение!

В кастрюльке разогреем топленое масло, выложим котлеты на противень и польём их растопленным маслом. Кто-то утверждает, жарить нужно на толстой чугунной сковородке, и не сильно погрешит против истины. Но запекание в духовке позволит не сжечь сухари ненароком, а сочетание сливочного масла внутри и топленого масла снаружи создаст удивительно приятный вкус. Долго запекать не нужно: при температуре 180-190 градусов достаточно будет минут 12-14, а в середине процесса котлеты на противне следует перевернуть.

Кстати, оставшийся яично-сливочный лезон можно тем временем превратить в легкий омлет и гарнировать им котлеты, дополнив блюдо свежей зеленью.

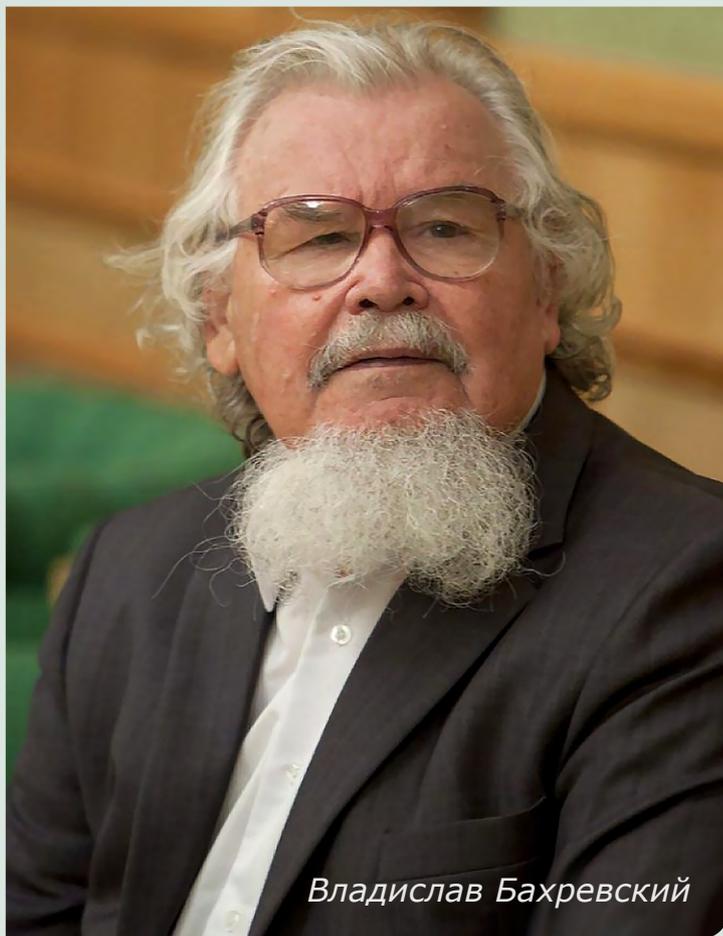
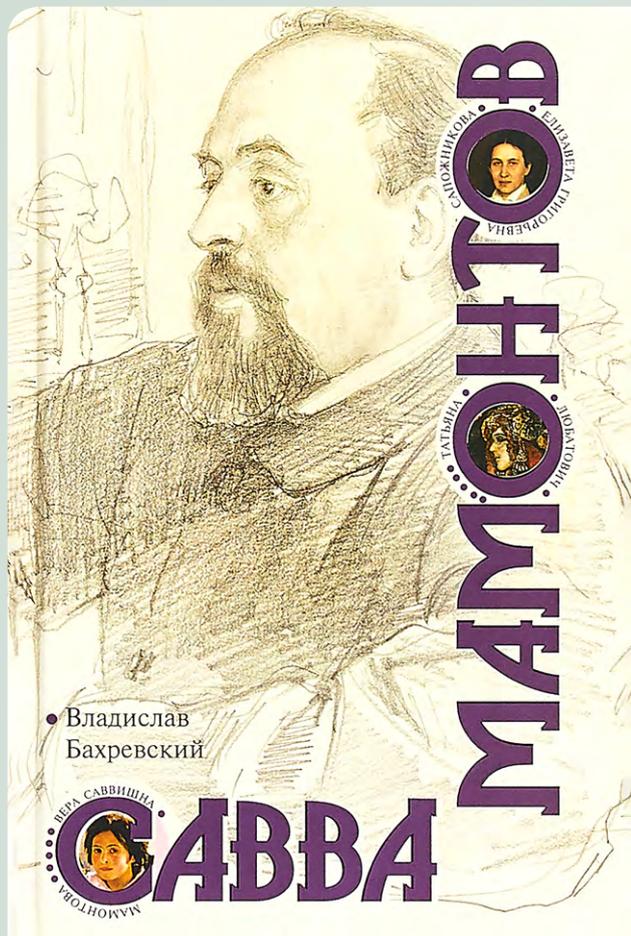
И пусть сам процесс не так уж и быстр, никто не мешает сделать изрядное количество котлет про запас, заморозить их, и потчевать гостей, когда душе угодно.

*Ангела
за трапезой*

Михаил Позвонков

КНИЖНЫЙ ШКАФ

Владислав Бахревский
САВВА МАМОНТОВ

Владислав Бахревский

Владислава Анатольевича Бахревского по праву можно назвать ветераном отечественной исторической прозы. Родился Владислав Анатольевич в 1936 году, творческий путь начал еще во времена учебы – альма-матер писателя стал Орехово-Зуевский Педагогический институт. Что примечательно, в том же институте учился и небыизвестный Венедикт Ерофеев, но творческие пути писателей пошли в совершенно разных направлениях. Любовь к литературе зародилась еще в детстве – семье Бахревских, где отец был по профессии лесничим, пришлось немало поколесить по стране – Воронеж, Брянск, Горьковская область, Рязанщина. Друзьями для юного Владислава становились книги, которые он брал в местных библиотеках. Читал всё подряд – и тоненькие детские брошюры, и объемные романы. Так слово стало призванием. Удивительно, но в годы советской власти у мальчика были и духовные книги – Библия, Жития святых. По признанию самого Бахревского, в детстве он мечтал стать ... пионером и святым. Первые книги были написаны для детей, но истинное призвание Бахревский нашел в исторической литературе: по его словам 35 лет жизни он провел в XVII веке, где ему было весьма уютно.

Итак, начинается книга. Век девятнадцатый. В семье богатого московского откупщика Ивана Мамонтова рождается сын Савва. Тот самый Савва, чьи памятники сегодня видят туристы, выходя из поездов в Сергиевом посаде и Ярославле. Мальчику суждено еще в юности пойти по стопам отца – стать сперва купцом, затем – заняться железными дорогами, принесшими ему славу и богатство. Именно Мамонтовым, а также известному промышленнику Федору Чижову Россия обязана строительством первой русской железной дороги, созданной без участия иностранцев и заграничного капитала.

Дорога соединила столицу с Сергиевым Посадом и далее – с Ярославлем, Вологдой, Костромой. На страницах биографии Бахревский не без сочувствия и юмора ведет своего героя от детства к юности, от первых коммерческих опытов – к зрелости и славе.

Россия обязана Мамонтову не только железными дорогами. Любопытный ценитель искусства знает название – Абрамцево. Войдя в зрелые года, Савва Иванович приобрел имение Аксаковых, фактически спас его от уничтожения. И на десятилетия имение стало центром притяжения выдающихся художников, литераторов, музыкантов. В Абрамцево приезжал из Рима скульптор Антокольский, пейзажи близ усадьбы писали Поленов, Васнецов и Серов. Здесь раскрылся талант Нестерова – «Отрока Варфоломея» художник изобразил именно на фоне Абрамцевских пейзажей, и прототипом отрока стала девочка, встреченная Нестеровым неподалеку. А знаменитая «Девочка с персиками» Серова – это дочь Саввы Мамонтова Вера. Бахревский не без улыбки сообщает на страницах книги, что для портрета юной барышне пришлось позировать почти два месяца, являясь в столовую поутру – чтобы застать солнце, бьющее в окна. Наградой за терпение и усидчивость как раз и были те самые персики...

Особые главы посвящены созданию Мамонтовым первой в России частной оперы, успешно конкурировавшей с Императорской. Меценатство Саввы Ивановича размах имело грандиозный... Но были и тяжелые закатные годы – неудачи в делах, разлады и смерти в семье – жизнь наполнилась не только радостными моментами. Савва Иванович ненадолго пережил революцию, но от бывшего величия мало что осталось.

Автор – не биограф, пишущий строгую статью в энциклопедию. И сама книга – не сухая подборка фактов, а яркая история жизни одного из самых удивительных людей предреволюционной России. Бахревский любит своего героя, симпатизирует ему, но может и отругать – ведь не безгрешен был Савва Иванович. Книга «Савва Мамонтов» вышла в серии «Жизнь замечательных людей», но среди прочих томов отличалась не только объемом, но и великолепным словом и ясностью изложения.

Читать эту книгу как обычное художественное произведение попросту невозможно. Непостижимо, какой объем исследовательской работы пришлось провести Бахревскому, чтобы воскресить на страницах книги во всех подробностях историю Абрамцевского кружка, вплести в сюжет биографические линии близких Мамонтову деятелей искусства. Читая книгу, то и дело отрываешься, чтобы залезть в сеть и найти ту или иную картину, взглянуть на биографии сподвижников Мамонтова. По сути – это даже и не биография одного человека, а палитра русского культурного общества второй половины 19 века, выписанная с тщанием и любовью.

Книга Бахревского погружает в атмосферу девятнадцатого века – время расцвета русского искусства, время новых идей и ярких личностей. Её смело можно рекомендовать всем любителям прекрасного, людям патриотического склада, умеющим относиться к родной истории с благодарностью.

Михаил Позвонков.

Усадьба в Абрамцево

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Праздник Троицы Святой,
Ждал тебя народ!
И надеялся на встречу
Долго — целый год!

Распустились за окошком
Нежные листочки,
Улыбаются девчата
И плетут веночки!

В церкви — праздничная служба,
Колокол звенит,
Божья мать пусть любовью
Душу исцелит!

Пусть Господь оберегает,
Гонит пусть напасти,
Чтобы в сердце поселились:
Радость, мир и счастье!

Татьяна Лаврова

«ТРОИЦА»

Гудящий благовест к молитве призывает,
На солнечных лучах над нивами звенит;
Даль заливных лугов в лазури утопает,
И речка на лугах сверкает и горит.

А на селе с утра идет обедня в храме;
Зеленою травой усыпан весь амвон,
Алтарь, сияющий и убранный цветами,
Янтарным блеском свеч и солнца озарен.

И звонко хор поет, веселый и нестройный,
А в окна ветерок приносит аромат...
Твой нынче день настал, усталый, кроткий брат,
Весенний праздник твой и светлый, и спокойный!

Ты нынче с трудовых засеянных полей
Принес сюда в дары простые приношенья:
Гирлянды молодых березовых ветвей,
Печали тихий вздох, молитву и смиренья.

Иван Бунин, 1893

ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ

Начало лета – Троица!
Такая красота!
И дышится, и молится,
И в сердце чистота.
Берёзки белоствольные
В зелёных платьях все,
Полынь степная, вольная
В серебряной росе.
Легко на сердце, благостно,
Любовью всё живёт.
На Троицу так радостно,
И так душа поёт!

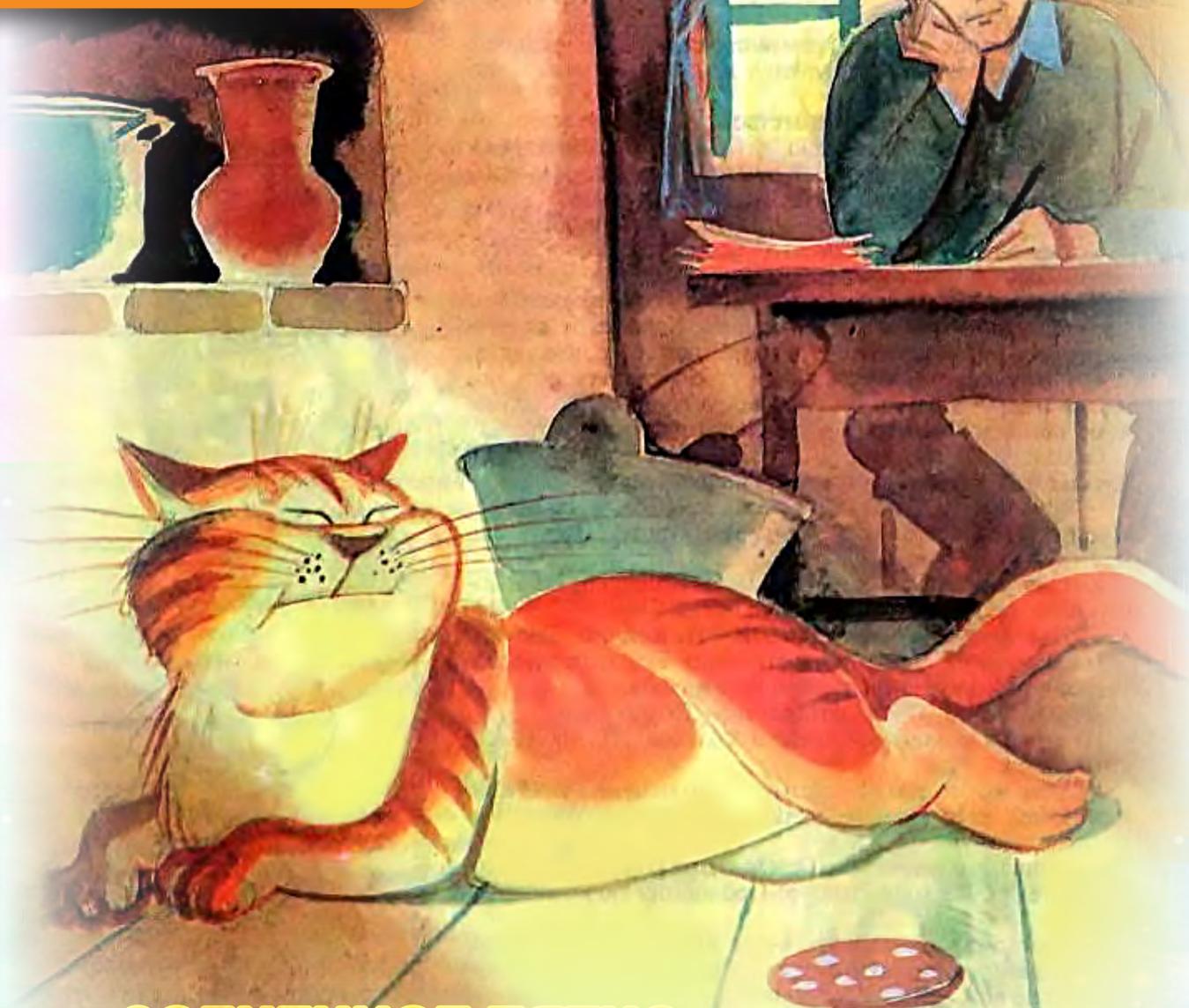
Ольга Колесник

ДЕТСКАЯ
СТРАНИЦА

«СОЛНЕЧНОЕ ПЯТНО» Юрий Коваль

Чужой и рыжий на крыльце моего дома спал огромный кот. Разморенный солнцем, он привалился к двери спиной и посапывал. Я кашлянул. Кот приоткрыл глазок. И это, доложу вам, был жуткий глазок, вполне бандитский. Изумруд и лазурь горели в нем. Оглядев меня, облив лазурью, обдав изумрудом, глазок закрылся.

– Позвольте пройти.

Кот не шевельнулся.

– Вы не правы, – как можно мягче заметил я. – Ну, согласитесь, это мой дом, приобретенный недавно по случаю. Вы спросите, откуда у меня такие деньги? Я работал, уважаемый. Работал ночами, над-ры-ва-ясь! Позвольте же пройти мне в свою собственность.

Пока я нес эту белиберду, кот отворил оба глаза, слушая меня с интересом. На слове «над-ры-ва-ясь» он встал, потянулся и отошел в сторону, освобождая проход. Я открыл дверь.

– Прошу, – сказал я. – Пожалуйста, заходите.

Пропустив меня вперед, кот вошел следом. Он вел себя разумно, интеллигентно, но все-таки это был опасный кот. Его благородство было окрашено в рыжий пиратский цвет. Неслышно ступал он за мной, но я чувствовал за спиной его рыжее пиратство. Вошли в комнату.

– Располагайтесь, – предложил я. – Вот печь, вот табурет.

Гость оглядел печь и табурет и, заметив на полу солнечное пятно, падающее из окна, лег под солнце и задремал. Я отрезал кусок колбасы, которую берег для гостей, положил поближе к его усам. Он повел носом и отвернулся.

– Ну, это уже неправильно. Угощаю чем могу. Обидно.

Кот выслушал мое замечание, кивнул и опять задремал.

– Не понимаю, – сказал я. – В чем дело? Неужели не нравится колбаса? Странно. Многие любят. Вы сыты? Ночь, полная пиратств? А? Неужели птички? Скажите честно, это так? Птички?

На слове «птички» котяра замурлыкал.

– Не могу приветствовать! – сказал я. – Не одобряю!

Пират с наслаждением развалился в солнечном пятне. Мотор мурлыканья работал ровно и мощно. Странно было, что при таком моторе кот никуда не ехал. Он грохотал, как большой мотоцикл с коляской.

Я сел к столу и занялся каким-то делом, скорей всего писательским скрипучим застольным трудом. Но дело не клеилось. Огненный и грохочущий бандит на полу отвлекал мысли в рыжую сторону. Отодвинув скрипучий свой труд, я достал кисть и акварель.

Кот приоткрыл глаз.

– Один набросок... приподнимите голову.

Гость приподнял голову, и я стал его рисовать.

Солнечное пятно двигалось по полу к закату. Кот пятился, перемещался вслед за пятном, за ним пятился и мой рисунок.

Солнечное движение не мешало мне. Рыжий сохранял позу, не опускал голову. Похоже, он понимал, что рисование котов – дело ответственное в наше время, важное дело. Когда пятно солнечное полезло на стенку, я кончил работу.

– На сегодня хватит.

Кот поднялся на ноги, размялся, потянулся, мельком оценил рисунок, что-то муркнул, вроде «неплохо», и, не прощаясь, вышел. Пожалуй, отправился пиратствовать. Просыпаясь иногда ночью, я слышал в палисаднике треск сирени, мягкие темные прыжки, кошачьи вздохи. Наутро кот снова поджидал меня на крыльце.

– Ну, как прошла ночь? Пиратство совершилось?

Котяро замурлыкал на полную мощь, и я понял: да, совершилось.

Я впустил его в комнату, и кот улегся в солнечное пятно на полу. Оно ему явно понравилось. Кажется, у меня в пятне ему было неплохо. Никто не трогал, не приставал. Так и повелось у нас. Каждое утро кот приходил, ложился на пол, дремал и мурлыкал, а когда пятно солнечное залезало на стенку, отправлялся пиратствовать.

Однажды он не нашел на полу солнечного пятна. Весьма недовольно поглядел на меня.

– Помилуйте, батенька, – сказал я. – Дождь на дворе. Пасмур. Откуда же взяться солнечному пятну? Переждем, лезьте на печку.

Кот вслушивался в мои слова, но не желал понять и постукивал когтями в пол, требуя пятна.

– Не могу, – разводил я руками. – Не в силах... Пасмур!

Неожиданное слово подействовало. Кот перестал метаться в поисках пятна, глянул мне в глаза. «И у вас пасмур? – задумался он. – Нехорошо». Изумруд и лазурь потускнели в его глазах. Не прощаясь, кот вышел.

«Да что же это такое! – возмущенно подумал я. – Разве я виноват? Ведь не я же укладываю на пол солнечные пятна!» Начались долгие дожди. Серые капли колотились в тусклые стекла. Пасмур! Пасмур! Проходили ночи, полные дождя.

Но вот дождь рассеялся, вчера выглянуло и солнце. Скоро, наверно, объявится рыжий пират. Во всяком случае, солнечное пятно у меня на полу опять наготове.

МЕСЯЦЕСЛОВ

- 19 июня** прп. Варлаама Хутынского (1192)
(переходящее празднование в 1-ю пятницу Петрова поста).
- 22 июня** прп. Кирилла, игумена Белоезерского (1427);
прав. Алексия Московского (Мечёва) (1923).
- 23 июня** Обретение мощей свт. Василия, епископа Рязанского (1609); Собор Рязанских святых;
свт. Иоанна (Максимовича), митрополита Тобольского (1715); Собор Сибирских святых;
- 27 июня** прп. Мефодия, игумена Пешношского (XIV); Собор Дивеевских святых.
- 29 июня** Перенесение мощей свт. Феофана, Затворника Вышенского (2002).
- 2 июля** Апостола Иуды Иаковлева, брата Господня (ок. 80); свт. Иова,
патриарха Московского и всея России (1607); свт. Иоанна (Максимовича),
архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского (1966).
- 6 июля** Владимирской иконы Божией Матери.
- 7 июля** Рождество честного славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.
- 9 июля** Тихвинской иконы Божией Матери (1383).
- 10 июля** Обретение мощей прп. Амвросия Оптинского (1998).
- 11 июля** прпп. Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев (ок. 1353).
- 12 июля** Славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла (67).
- 13 июля** Собор славных и всехвальных 12-ти апостолов

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ГРИГОРИЙ САМАРИН, ДИАКОН

Священномученик Григорий Васильевич Самарин родился 9 января 1893 г. в с. Салмановка Пензенской губернии в семье крестьянина. В 1914 г. после окончания Пензенского духовного училища назначен псаломщиком. С 21 октября 1914 г. нес послушание псаломщика. 9 февраля 1920 г. рукоположен в диакона.

В 1931 г. о. Григорий вместе с семьей переехал в Московскую область и 20 апреля получил назначение в храм святых мучеников Адриана и Наталии города Лосиноостровска (ныне в черте г. Москвы). 20 апреля 1935 г. его перевели в Петропавловскую церковь Коломны.

11 августа 1937 г. о. Григорий был арестован и заключен в Коломенскую тюрьму. В предъявленных ему обвинениях виновным себя не признал. Все лжесвидетельства святой также категорически отверг. 9 октября 1937 г. тройка НКВД приговорила диакона Григория Самарина к десяти годам

заключения в исправительно-трудовых лагерях. Его отправили в Бурлаг НКВД. Ольга Михайловна, жена отца Григория, обратилась в НКВД с просьбой пересмотреть дело мужа. В 1939 г. дело было пересмотрено, однако жалоба была отклонена. Диакон Григорий Самарин умер от воспаления легких в Хабаровском крае на станции Известковая 11 июля 1940 г.

ИСПОВЕДНИК НИКОН (БЕЛЯЕВ), ОПТИНСКИЙ, ИЕРОМОНАХ

Преподобный оптинский старец Никон, исповедник (в миру Николай Митрофанович Беляев), родился 26 сентября 1888 года в Москве. От родителей он унаследовал любовь к Церкви, чистоту и строгость нрава. С годами у Николая и его младшего брата Ивана возникло и укрепилось сознательное стремление к духовной жизни. Они решили уйти в монастырь, но не знали, в какой. Изрезали на полоски перечень русских монастырей и, помолившись, вытянули полоску, на которой было написано: «Козельская Введенская Оптина пустынь».

Дома не препятствовали благому решению, и 24 февраля 1907 года братья приехали в Оптину. Их обоих с любовью принял преподобный старец Варсонофий, но

как-то особенно отметил Николая. С первых же бесед они почувствовали необъяснимую тесную связь друг с другом, то, что называется «духовным родством».

9 декабря 1907 года, в день празднования иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», братья Беляевы были приняты в число скитской братии. В октябре 1908 года брат Николай был назначен письмоводителем старца. К этому времени он становится самым близким учеником и сотаинником старца Варсонофия, который, провидя его высокое предназначение, готовил его в свои преемники. В апреле 1910 года Николай был пострижен в рясофор, а 24 мая 1915 года — в мантию. Он получил имя Никон в честь святого мученика Никона. 10 апреля 1916 года преподобный Никон был рукоположен во иеродиакона, а 3 ноября 1917 года удостоился сана иеромонаха.

После октябрьского переворота Оптина была закрыта, начались гонения. Монахи создали «сельскохозяйственную артель», дававшую пропитание. Именно тогда преподобный Никон трудился, делая все, что только возможно, чтобы сохранить монастырь. Первый раз его арестовали 17 сентября 1919 года. Летом 1923 года монастырь был окончательно закрыт; братию, кроме двадцати рабочих при музее, выгнали на улицу. Настоятель преподобный Исаакий, отслужив последнюю соборную литургию в Казанском храме, передал ключи от него преподобному Никону, благословил служить и принимать богомольцев на исповедь. Так преподобный Никон за святое послушание настоятелю стал последним оптинским старцем. Тогда же находившийся в ссылке преподобный Нектарий стал направлять своих духовных чад к преподобному Никону. Изгнанный из обители в июне 1924 года, он поселился в Козельске, служил в Успенском храме, принимал народ. В те годы верные чада Церкви особенно нуждались в укреплении и утешении, и именно такой духовной опорой был преподобный Никон. Его арестовали в июне 1927 года. Три года провел преподобный Никон в лагере «Кемперпункт». По окончании срока его приговорили к ссылке в Архангельскую область. Перед отправкой врач нашел у преподобного Никона тяжелую форму туберкулеза легких и посоветовал просить о перемене места ссылки. Привыкший все делать за послушание, преподобный Никон попросил совета у отца Агапита, сосланного вместе с ним. Тот посоветовал не противиться Божией воле, и преподобный Никон смирился.

16 августа 1930 года его «переместили» из Архангельска в город Пинегу. Больной, он долго скитался в поисках жилья. Отец Петр (Драчев), тоже ссыльный оптинец, перевез умирающего к себе в соседнюю деревню и там ухаживал за ним. Физические страдания не омрачили духа верного раба Божия. В последние месяцы своей болезни он почти ежедневно причащался Святых Христовых Таин. В самый день его блаженной кончины, 8 июля 1931 года, он причастился, прослушал канон на исход души. Лицо почившего было необыкновенно белое, светлое, улыбающееся чему-то радостно. Промыслом Божиим на погребение преподобного Никона собралось двенадцать священнослужителей. Он был отпет и погребен по монашескому чину на кладбище села Валдокурье.

ДОРОГИЕ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!

Детский приют при Троицком храме (Щурово) нуждается в помощи! Сейчас в приюте проживает 30 детей дошкольного и школьного возраста.

НЕОБХОДИМЫ ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ: молочные продукты, консервы мясные и рыбные, крупы, макаронные изделия, масло, соль, сахар, овощи, фрукты. Также необходимы моющие средства с содержанием хлора, средства личной гигиены, зубная паста, мыло, шампуни.

Оставить посильную помощь можно на охране церковного дома с пометкой «ДЛЯ ПРИЮТА». Также можно сделать онлайн-пожертвование через сайты храма и детского приюта. Наш приют существует исключительно на благотворительные пожертвования.

<https://priut-kolomna.ru/help>

<https://www.hram1891.ru/o-khrame/help>